

Пётр Червинский

Дикие животные существа
в повериях и приметах

Пётр Червинский

**Дикие животные существа
в повериях и приметах**

«Автор»

2026

Червинский П.

Дикие животные существа в повериях и приметах /
П. Червинский — «Автор», 2026

Зачем при встрече с волками полагалось разговаривать с ними по-хорошему? Почему заяц, пробежавший через деревню незамеченным собаками, предвещал пожар? И почему ужу приписывали защитную силу? В народных приметах поведение диких животных обращается в систему предупреждений, запретов и предсказаний. Восьмая книга серии о русских повериях и приметах посвящена отношениям человека с дикими существами. На примерах с волком, зайцем, змеей, медведем и др. исследуется, как встречи с ними, их появление возле дома, повадки связывались с опасностью, благополучием и будущими событиями. Это не сборник суеверий, а научное исследование на пересечении фольклористики, лингвистики и семиотики. Автор ищет внутреннюю логику поверий-примет, рассматривая их как особый язык народной культуры. Книга написана обстоятельным научным языком, с терминологией, схемами и классификациями, и рассчитана на читателя, которому интересно, как люди понимали их окружающий мир. (От редактора)

© Червинский П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	60
-----------------------------------	----

Пётр Червинский

Дикие животные существа

в повериях и приметах

Пётр Червинский

Дикие животные существа
в повериях и приметах

Оформление и техническая редакция
Анна Болотова

Оглавление

5
37
241
274
340

Подходы к определению составляющих

Первоначальный замысел, предполагавший рассмотрение всех животных существ, близко не связанных с человеком, т.е. за исключением домашних животных, пришлось изменить в силу получившегося объема. Предметом настоящей работы тем самым оказались дикие существа без насекомых и рыб, которые составят отдельный объект. Обозначенный порядок представителей животного мира (следовало бы добавить – не всех) внутренне отражает позицию за ними стоящего человека. Не вдаваясь в подробности и, тем самым, не углубляясь в предмет, для ориентации в том, о чем пойдет речь, представляется небезразличным кое на что указать. С учетом описываемого далее материала, однако и несколько в отвлечении от него для такого начала. Вопрос, на который не то чтобы надо было ответить, но который наметить в предполагаемом ответе, заключался бы в том, чтобы определить, чем являются для человека дикие животные существа, включая не рассматриваемых здесь насекомых и рыб, и почему не взяты при этом домашние. Ответ представляется вроде бы само собой разумеющимся и очевидным, но в силу своей разносторонности, может быть неоднозначным и множественным. Следует выбрать такой поворот, который позволит ставить и разрешать все дальнейшее, определяясь как предварение, вход в проблему и связанную с ней задачу. А также как вход в предметную область животного мира поверий и примет. Предполагает это позицию отражения. В сознании человека имеются определенные воображения о мире животных существ. Носители той или иной ментальной культуры, сложившимся, закреплённым образом, думают нечто о нем как о целом и о его представителях, в группах, родах и видах. Мир этот и его представители отображаются в их головах, и затем этот образ, в комплексах проецирующих его положений по поводу тех или иных животных существ, проявляет себя в повериях и приметах, внутренне переносится и концептуально ориентирует их. Животные представители, или живые животные существа, виделись бы не как то, чем они себя объявляют в сознании (носителей данной ментальности в контексте народной культуры), но как то, что себя проецирует, действуя, в повериях и приметах, и находя свое отражение в этих текстах. Ограничивалось бы это данного рода текстами, представляя собой фрагмент выражаемого ими предметного мира. Нечто подобное будет иметься в виду, предполагая к своему отражению в анализе.

Однако вернемся к заявленному в начале. Чем являются не домашние животные существа (и почему без них?), а далее рыбы и насекомые для человека? С учетом ли национальной народной традиции или нет, не существенно. Отталкиваясь от позиции отношения к человеку, а точнее, отношения к ним человека в направлении на себя, первое, что следовало бы отметить, это то, что все они не освоенные и не одомашненные. Хотя нельзя сказать, что и не домашние, применительно, скажем, к таким животным, как мыши и крысы, и таким насекомым, как тараканы, блохи, вши и клопы. Рыбы, те не свои в своем полном составе (рыбок в аквариуме не стоит учитывать, если ориентироваться на материал, поскольку в повериях и приметах они отражения не находят). Не свои в данном случае следует понимать как такие, которые хозяйственно-деятельностного применения не находят, не приспособлены человеком для своих экзистенциальных условий и для себя. В отличие от домашних животных и птиц. Отношение к ним таким определяется как к чему-то внешнему, как к тому, с чем, укладываясь, устанавливаются, должны устанавливаться, связи, организуемые концептуально и функционально иначе, втягиваясь в мир живущего человека, его существование, производимую деятельность, общественный и семейный быт по другим основаниям, не таким, которые действуют для домашних животных. Взаимодействие с этим внешним миром в живых и подвижных его представителях (в отличие от растений) будет иметь характер, предполагающий какое-то влияние и направление с их стороны. Влияние и направление, которое далеко не всегда зависит от человека и которое по этой причине следует устанавливать и в желательном отношении достигать. Необходимо знать, что можно, а что не стоит от них ожидать, и как в определенных случаях, тех либо иных, с ними взаимодействовать. То же касается и домашних животных, но применительно к ним это будет иметь совершенно иную основу. Выходит, тем самым, что дикие звери, рыбы и насекомые не являются частью собственно человеческого предметно-бытийного круга, это иной, еще один и отдельный, предметный экзистенциально-витальный круг, не только физический и материальный, но и функциональный, с которым названный первым вступает, должен вступать, в определенного рода и вида взаимодействия. Для достижения того, что касается человеческого. Для правильного и не искажаемого проявления в нем человека.

Следуя далее, стоит, опять без учета на данном этапе материала поверий-примет, установить направляющие отличия в том, чем являются дикие звери, чем рыбы и чем насекомые для человека в этом их внешнем кругу по отношению к его предметной бытийности. Как можно и стоит их различать изначально, с тем чтобы при анализе это учесть или не учесть, но что будет следовать из материала. Не вдаваясь в подробности и не углубляясь в предмет, различия в этих трех компонентах предметного внешнего круга для человека можно видеть следующим образом. Звери были бы проективно, коррелятивно и конгруэнтно соотносимыми, симметричными для него. Плоскость, среда и функциональные формы их проявления находятся в том же или подобном ситуативном и позиционном расположении. Со зверями у него больше общего, чем с рыбами и насекомыми. Предметно-функциональный их мир поэтому представляется более динамичным, подвижным и многосторонним. В чем-то данная общность может влиять на сходство зверей с человеком, а их проявления, признаки и предметности существования уподобляться в каких-то случаях с человеческими. Рыбы – это иная экзистенциальная плоскость, поскольку водная, а не земная среда, человек в которой витально-бытийно не проявляет себя, о рыбах, об их мире ему, на уровне обыденного сознания, почти ничего не известно, нет у него сколько-нибудь выразительных представлений об их поведении, таких, которые бы находили свое выражение в коллективной ментальности (профессионалов и рыболовов не следует брать в расчет). Отношение к рыбам на общем концептуально-поверхностном уровне сводится к представлению ‘ловить, вытаскивать, поймать, не поймать’, со всем тем, что из этого следует. Рыбы, иными словами, в сознании и для сознания фигурируют как объект добывания и извлечения из воды, не опуская при этом из виду сопровождающего то и другое значение наблюдения. Насекомые, в свою очередь, хоть и составляют общую с человеком плоскость

существования и с этим земную среду (водных насекомых не стоит учитывать по причине их маргинальности, а тем самым, и не репрезентативности для сознания), – в силу своих слишком малых размеров, оказываются в своей экзистенции за пределами значимо-дифференцирующих представлений о ней. Функциональные формы их проявления мало и слабо распознаваемы, а отношение к человеку, не симметричное, не конгруэнтное, не коррелятивное, как со зверьми, сводится к представлению о пользе-вреде либо о таком наблюдаемо-распознаваемом поведении, которое может на что-то указывать и на что-то для человека и его предметно-экзистенциального мира влиять.

После такого короткого предварения, прежде чем перейти к анализу, обратимся к примерам, с тем чтобы на их материале продемонстрировать некоторые подходы и определения к дальнейшему. Первый такой пример предполагает возможную встречу с волками и, во избежание неприятностей с ними, взаимодействие, рекомендуемое коммуникативный контакт, проявляемый в словесно-речевой и стандартной, тем самым разработанной, формуле обращения к ним. Формулы подобного рода типичны для текстов фольклора, будучи частыми в сказках, гаданиях, допуская и регламентируя, а следовательно, и проецируя различный характер взаимодействия с нечеловеческим, животным, потусторонним, мертвым. Обращая внимание на подобную формульность, а с этим регулятивность, взаимодействия с тем, что не человек, рассматривать будем на этом примере, а затем и последующих, то, что можно увидеть и вывести в них для последующего системного описания. Выбранный в качестве первого из ряда подобных пример выглядит следующим образом:

При встрече с волками нужно поговорить с ними по-хорошему, и они не тронут человека, свернут с дороги; нужно обратиться к ним с приветствием: "Здравствуйте, молодцы, вы идите своей дорогой, а я пойду своей" или: "Ну иди, пустыня, своей дорогой!"^{1*}

Первое, что видится важным отметить в отношении дальнейшего, это то, что сказанное предполагает не называемого, но подразумеваемого субъекта, который, представляясь как адресат, поскольку к нему оно обращено, в проецируемой ситуации в тексте проявляет себя как лицо, человек и, тем самым, также субъект, который, находясь вне дома, осуществляет действие, связанное с перемещением в пространстве, воспринимаемое и определяемое как *движение-путь* по земной поверхности (если входить в обобщение). Путь этот предполагает место, точнее местообъект, который, опять же, вне дома и который, подразумеваясь, в тексте не называется. Поскольку говорится о встрече с волками, то таким местообъектом, пересекаемым и преодолеваемым субъектом в процессе осуществляемого им движения-пути, вероятнее всего, будет лес либо нечто открытое вроде поля, но к лесу так или иначе близкое и прилегающее. Важно при этом то, в отношении местообъекта производимого субъектом движения, что это пространство, опять-таки вероятнее всего, не освоенное или недостаточно освоенное человеком, чужое и чуждое для него, не свое. Как таковое, оно содержит, может в себе содержать, потенциальную небезопасность, если не прямо угрозу.

Итак, для всего дальнейшего: предполагаемый и проецируемый субъект, обозначим его символом *S*, находясь вне дома и вне освоенного человеком пространства, способного содержать угрозу, витально-физического и эмоционально-психологического характера (то, с чем можно столкнуться, что может грозить, если не прямо утратой жизни, то телесными повреждениями, переживаемыми страхами и т.п.), обозначим такое пространство символом *Loc(Min)*^{2*}, – осуществляет указанный *S* в таком пространстве движение, находясь тем самым в пути,

¹ * Источником материала был сборник двух авторов-составителей: В.А. Кульматов, Т.В. Кульматова, *Русские народные приметы и поверья*, Москва: АСТ, 1999. Интересовавшие нас фольклорные единицы представлены в нем тематически и довольно полно, будучи выбраны из большого количества собраний и публикаций различного рода.

² * Лат. *mīnātio, ōnis* f [minor I] 'угроза'; *I mīnor, ātus sum, āri depon.* [minae I] 'торчать кверху, выдаваться, возвышаться'; 'грозить, угрожать' *ornus minatur* (подрубленный) ясень угрожает падением; 'грозить кому-л. чём-л.'; *trepidī minantur* (тираны) угрожают, но (при этом сами) трепещут; *mīnae, ārum* 'зубы, выступы' (*minogum* 'у стен') *перен.* 'угрозы'.

Mot(Curs). Его, т.е. *S*, подобного рода перемещение предполагает, тем самым, открытость, незащищенность, подверженность со стороны возможного действия внешних сил, адекватных к пространству *Loc(Min)*, которые, будучи потенциально опасными, могут причинить ему вред, выступая теми, кто совершает зло (*малефакторы*). В роли таких внешних сил, адекватных к пространству перемещения, становятся волки, которых субъект может встретить в процессе производимого им движения на своем пути.

Тем самым проявленным будет характер потенциальной опасности. Зная, что могут они причинить, если встретить к тому же их целой стаей, необходимо произвести какие-то действия по предотвращению грозящей опасности. Не будем далее развивать предполагаемые выходы из подобного положения, остановившись на том, что содержит пример. В нем говорится, что при подобной встрече с волками нужно поговорить с ними по-хорошему. Коль скоро поговорить, то это не что иное, как вербально осуществляемый коммуникативный контакт, а раз по-хорошему, то этот контакт должен предполагать позитивно заряженную направленность на контрагента коммуникативного взаимодействия. Сообщается далее, что в этом случае они не тронут человека, свернут с дороги, т.е. потенциальная небезопасность контакта с животным нечеловеческим в процессе перемещения в пространстве *Loc(Min)*, тем самым, будет предотвращена. Предлагаемые в тексте две формулы определяют первую как приветствие, и отсюда *Здравствуйте, молодцы*. Приветствие содержит вербально обозначаемый знак признательного пожелания в *Здравствуйте* и благожелательно окрашенного признания силы и мужского достоинства в обращении *молодцы*. После чего, проявляя в этих словах свое расположение, субъект регулирует способ взаимодействия с ними, с тем чтобы было реализовано то, что они не тронут, свернут с дороги. Регуляция эта сводится к параллельному, не соприкасающемуся и не пересекающемуся взаимному расположению, в пространстве и на пути, а в обобщении также – в характере экзистенциально-бытийного состояния. Представленную рекомендацию можно воспринимать как действующий в сознании носителей данной ментальности норматив: во избежание опасности со стороны того, что не человеческое, животное, потустороннее, мертвое, лучше всего находиться с ним в параллельном, не пересекающимся и не сталкивающимся, бесконфликтном, позиционном расположении. Выражено это словами *вы идите своей дорогой, а я пойду своей*. Вторая предлагаемая формула, сжатая, без приветствия, предполагает то же: *Ну иди, пустыня, своей дорогой! Ты – пустыня*, т.е. место, пространство без ничего, неопределенное, но и при этом не грозное, живущее собственной жизнью, отдельной и отдаленной от человеческой, и нам с тобой поэтому не по пути, – у тебя своя дорога, по которой тебе идти, что подразумевает далее, а у меня своя.

Закljučая анализ примера и подходя к обобщению, можно вывести следующее:

а) Имеются проецируемые, отражаемые в изучаемых текстах поверий с приметами знания, опирающиеся на опыт коллективного существования и бытия. Обозначим их показателем *Experient* (*experientia*). Знания эти в приведенном примере сводятся к представлению о том, как себя повести при встрече с волками, чтобы они не тронули, – следует поговорить с ними по-хорошему. Эти, а также другие возможные знания, которые находят свое отражение в материале поверий-примет, можно представить как сферу нормативно-регулятивного существования человека в том, что его окружает и в чем ему приходится действовать и каким-либо образом себя проявлять. Помимо таких коллективно и традиционно определяемых и сложившихся знаний (*Experient*), имеются также другие сферы нормативного бытования и бытия, которые будут определяться впоследствии.

б) Имеется далее то, что будет себя представлять в каких-то действующих для сознания и отображаемых в текстах соотношениях, способных передаваться в концептуальных схемах и формулах. Исходной позицией, или фигурой, в этих соотношениях выступает субъект с его положениями к возможным объектам (объекту, единичному или в единстве, как с волками), пространствам-местам, их различного типа и вида, к контрагентам (контрагенту), предпола-

гающим устанавливаемое взаимодействие или установление взаимодействия с ними. Субъект, который может быть не единичным, а также объекты, пространства-места, контрагенты и что-то другое возможное имеют дотекстовый, для сознания, виртуальный и обобщенный характер и вид, равно как характер и вид актуальный, в тексте описываемый и к таковому конситуативному положению проецируемый. Имеют, все тот же субъект, объекты, пространства-места и пр., типологически различаемый, поскольку не единообразный, характер, включаясь в проекции к действиям, состояниям, положениям, отражаемым в ситуации, передаваемой в тексте. Определяться и выражаться возможность ситуативного их взаимодействия может в схемах и формулах, которые предполагают, во-первых, валентности проявляемых отношений (между субъектом, объектами, местами-пространствами и т.п.), а во-вторых, объявляют себя как схемы концептуальные, существуя до текста в сознании представителей данной ментальности и ее языка^{3*}.

с) Имеется (говоря о действиях, состояниях, положениях для субъекта) то, в первую очередь для него, в чем он находится, в данный момент, поскольку может там находиться, и в чем себя проявляет. Для рассмотренного примера с волками это было представлено как его *движение-путь*, для которого определяющими его предикатами в отнесении их к субъекту было бы *встретить-увидеть – пересечение-столкновение – сопровождение* (спереди, сзади, по сторонам) – *речевой контакт, обращение (поговорить по-хорошему) > разойтись (вы идите своей дорогой, я пойду своей)*. Проективные формы того или иного субъектного действия, состояния, положения могут быть также другими, при которых движение-путь, нахождение в пути в процессе движения, если точнее, было бы одним из возможных.

d) Представленная в примере с волками встреча-контакт, будучи осуществившим себя, реализовавшим в каком-то времени *T*, положением субъекта в процессе его (про)движения на пути, может быть, если это будет иметь значение и влиять на характер контакта с его возможными следствиями, единичный (сингулярный) / множественный (плюральный) / совокупный (конъюнктивный) характер. То же дальнейшее уточнение будет касаться других положений, а также состояний и действий субъекта. В примере с волками это был бы, скорее всего, совокупный (конъюнктивный) характер контакта, поскольку со стаей волков, в единстве их множества, как следует предполагать. Встреча с одним имела бы единичный (сингулярный) характер, а с каким-то не стайным числом, скажем двумя-тремя, в их единстве не совокупности, но разрозненности, это был бы вид множественный (плюральный).

f) И еще одно, на что следует обратить внимание, исходя из примера, – то, что можно нечто от себя отвести, устранить, избежать, предотвратить (показатель *propulsio*, *Propuls*, отведения нежелательного), – опасность встречи с волками, разойдясь с ними на дороге, – в ситуативной актуализации в разбираемом случае. Отведение нежелательного¹, *Propuls*, можно рассматривать как еще одну сферу, наряду со знанием, *Experient*, представляемую, в отличие от нее, как сферу функциональную, проявляемого функционирования, а не виртуально-системной концептуализации для сознания.

Та концептуальная схема, о которой говорилось в пункте (b), предполагающая определенный и выводимый тип взаимодействия, затрагивала бы, как уже отмечалось, сферу отведения нежелательного, с одной стороны, и относилась бы к группе возможных контактов, в типологических для нее разновидностях. Представить ее можно следующим образом:

S > ContOccurs(ObjMin)Animal > Commun(Verb/Benevol-/Digress) > Propuls(Min)ObjAnimal

Описывалось бы это такими словами: 'предполагаемый контакт субъекта, реализуемый как встреча, *ContOccurs*, с животным объектом потенциальной угрозы, *(ObjMin)Animal*, при условии благожелательного и расходящегося дигрессивного, *Benevol-Digress*, либо одного только дигрессивного, */Digress*, коммуникативно-вербального обращения, *Commun(Verb)*,

^{3*} В данном случае следует иметь в виду тот язык, который, как язык сознания, находит свое отражение в текстах культуры.

предполагает, в своем результате, возможность отведения потенциальной угрозы, *Propuls(Min)*, со стороны животного объекта подобной контактной встречи, *ObjAnimal*.

Данная схема представляет собой проекцию более общей схемы сознания, стоящей за ней: 'отведение от себя возможной угрозы при взаимодействии с животными (не домашними, но и домашними, однако это не наш предмет), отведение угрозы с их стороны, предполагает благожелательно-дигрессивное обращение с ними'. Не обязательна встреча и не непременно оказывается вербально-коммуникативное взаимодействие, важным становится не проявление зла, непричинение вреда и расходящееся, не стыкующееся, параллельное сосуществование. При контакте, которого не избежать, идея параллельного сосуществования со стороны человека имеет в виду невхождение в их экзистенциальную сферу и непересечение ее границ. То, что связывается с преследованием животных и охотой на них, к этой схеме сознания иметь отношения не будет.

Рассмотрим еще один "волчий" пример, с тем чтобы вывести на его основе то, что будет необходимо в дальнейшем, нечто новое, не совпадающее с выведенным на предыдущем примере, равно как и общее с ним:

Встреча с волком, когда тот несет свою добычу, неблагоприятна и опасна: волк оставляет добычу и набрасывается на встречного, кроме того, у последнего отнимается благополучие на время, пока тужат по убитому животному.

Данный случай, как и предыдущий, следует относить к сфере знания, *Experient*. Говорится о том, что неизменно произойдет, и это ждет адресата поверия как в момент самой встречи, так и на будущее, распадаясь тем самым на две части – причинения физического вреда (*волк оставляет добычу и набрасывается на встречного*) и поражения экзистенциального состояния, с обозначением времени неблагоприятно воздействующей на него полосы (*отнимается благополучие на время, пока тужат по убитому животному*).

Обратимся для начала к определению встречи. Представлена она в данном примере как контакт, которого не избежать и который по внешнему виду случаен. Фатальность подобного столкновения с волком, возможную для предметного мира поверий-примет, пока обойдем, с тем чтобы к ней обратиться впоследствии. Помимо своей неизбежности, данная встреча, в отличие от предыдущей, не предполагает вербальной коммуникативности в качестве разрешения угрозы, не предполагает она и возможности самого разрешения. Встреча эта, тем самым, не просто заряжена потенциальной угрозой, но и реализуется в своем завершении в ней, поскольку, как говорится, *волк набрасывается на встречного*, и этого не избежать. Разрешением было бы само избегание подобной встречи, но это уже за пределом примера, хотя указанием на это, важным и предостерегающим, служат определения – *неблагоприятна и опасна*. А коли так, то и субъекту следует думать, как себя проявлять, чтобы этого не случилось.

Та встреча-контакт, о которой речь в разбираемом примере (то же касалось бы и предыдущего, с волками), представляется как положение, в котором оказывается и в которое попадает субъект. Положение следует понимать как определяемую временем, местом, объектами и сопровождающими их обстоятельствами ситуацию существования субъекта. Иными словами, положение есть то, в чем находится человек в данном месте и в данное время и что определяет, с одной стороны, и проецирует собой, с другой, проживаемую им жизнь как витально-экзистенциальный процесс. Положения, тем самым, суть пункты, отрезки, меты в этом процессе. Имеют они свои характеристики и параметры в этой связи. Для примера к таковым относятся внешние определители, в виде волка с добычей как встречи с ним, и определители внутренне, те, которые передают и содержат в себе соответствующее значение, – то, что встреча такая *неблагоприятна и опасна*, с дальнейшим распространением того, почему: в виде действия с его стороны (*оставляет добычу и набрасывается на встречного*) и следующего из данного положения состояния для субъекта, которое его ожидает (*отнимается благополучие*) с указанием времени (*пока тужат по убитому животному*). Состояние, в отличие от положения, не ситу-

ативно, это некий континуум, длительность проживания, своего рода окрашенность витально-экзистенционального продвижения человека во времени. Оно имеет и может иметь сопровождающие и вместе с тем определяющие его положения, обстоятельства, объекты и пр., способно протекать, поскольку длиться, в каком-то отрезочном времени, от и до, с какого-то момента по какой-то другой. Но не это все, хотя и способное повлиять, становится определителем состояния. Определяет его та окрашенность, о котором перед тем говорилось, своего рода тембр и тональность существования и бытия (прибегая к такого рода музыкальной метафоре). То, что словами определяется в виде *счастья, несчастья*, но не как события, а как переживания в его длительности, *благополучия, неблагоприятия, красивой жизни, бедности, нищеты, беззаботности, необремененности, свободы и независимости* либо, напротив, *зависимости и подчиненности, жизни в достатке, в роскоши* (не недостаток и роскошь, а жизнь в них), *бездомности, многодетности, ощущения славы, исполненности, достаточности и полноты* либо, напротив, *униженности, неполноты, подавленности и недостаточности, удовлетворенности* либо *неудовлетворенности* существованием, *самодовольства и самоудовлетворенности* также и в том числе и т.п.

Однако вернемся к определению встречи в примере. Будучи некоммуникативной, в отличие от предыдущей, она должна быть определена как конфликтная и для субъекта страдательная, поскольку он выступает в роли объекта-пациенса, на которого волк нападает, без уточнения всего дальнейшего, что из этого может последовать. С позиции волка необходимо определять ее как сингулярную (поскольку волк один) и отягощенную (волк несет добычу). Отягощенность при этом следует понимать не как то, что он добычей нагружен и что она его этим утяжеляет либо собой озабочивает, но как то, что по этой причине встреча с волком становится угрожающей, заряжена будучи *тяжестью* своих неизбежных следствий для того, кто встретился на пути. Не будь у волка добычи в этот контактный момент, его поведение по отношению к субъекту, для него контрагенту встречи, выглядело бы иначе, не отягощено.

Конфликтность встречи (о страдательности уже было сказано, применительно к субъекту встречи как объекту-пациенсу агрессивных действий со стороны волка, выступающего в этом случае как их агент, наносящий физические повреждения и доставляющий травматические переживания объекту), – конфликтность встречи заключалась бы в том, что волк воспринимает встреченного им человека как того, кто может у него его добычу отнять, не имеет при этом значение, с какой целью он это сделает, и вместе с тем, как того, что, в силу обладания им добычей, убитым им домашним животным, волк, по своему волчьему опыту знает, что человек в этом случае для него составляет опасность, станет его преследовать, чтобы догнать и убить. Отсюда действия его имеют для него предотвращающий такую возможность характер. Конфликтность встречи, тем самым, следует из представления волком претензии обладания, со стороны человека как контрагента, который, тем самым, для него фигурирует как претендент и вместе с этим как потенциальный агрессор.

Отягощенность, о которой говорилось применительно к характеру протекающей встречи, сводилась бы к сопровождающим проявлениям рассмотренных перед этим конфликтности и страдательности для субъекта как контрагента встречи.

Подводя итог тому, о чем было сказано, можно увидеть в примере то, что касается представлений о положении и состоянии, о сферах, в примере это была сфера знаний, о том, что, также и в предыдущем примере, определяло себя как движение-путь, с нахождением человека вне освоенного им, своего пространства ближайшего окружения (встреча с волком, несущим добычу, скорее всего в таком внешнем пространстве и произойдет).

Положение в данном примере себя представляло как реально опасное, которого, при его проявлении, невозможно ни предотвратить, ни уйти от него, ни его избежать (пример не содержит подобного разрешения), опасность которого определяется самой встречей с волком, несущим

щим добычу. Встречей конфликтной и для субъекта страдательной в силу отягощенности со стороны контрагента такого контакта (волка с его добычей).

Состояние сводится к представлению о неблагополучии, точнее об устранении, лишении благополучия, поскольку так это выражено словами (*отнимается благополучие на время, пока тужат по животному*). И тогда, в этом случае, волк выступает в роли того, по причине которого подобное происходит, невольным образом, независимым от себя, хотя он есть причина, каузируя ожидающий субъекта малефактив (утрату благополучия), поражение бенефактива, если точнее. Состояние, о котором речь, определяется временем и коррелирует, также по времени, с другим состоянием, тех, кто *тужат по животному*, которые в этом случае выступают субъекто-объектами данного своего состояния, определяемого как подавленность, эмо- тив опрессива.

Сфера знаний, которая впоследствии, при анализе большей группы примеров, получит свое уточняющее, в разрядах и подразрядах, определение, на данном этапе, исходя из того, о чем говорилось, сводилось бы к представлению о том, что 'встреча с волком несущим добычу опасна и тянет за собой неблагополучие', и это следует знать.

Движение-путь, в свою очередь, проецирует характеризующую встречу, определяясь в таких предикатах, в предыдущем примере отчасти указанных, как *встретить-увидеть – столкнуться* (*пересечение с живым, животным, объектом на своем пути*) – *не избежать столкновения*, которое будет иметь *конфликтно-страдательный* в отношении субъекта характер, ведущий, возможно, к физическому ущербу вследствие нападения волка и утрате благополучия в будущем на какое-то время. Связано это, как косвенно, так и прямо с тем, что движение-путь, всегда практически, предполагает осуществление в пространстве внешнего, не освоенного человеком, не своего, и потому потенциально небезопасного.

И, наконец, последнее, что стоит и следует вывести из примера, – представление о концептуальной схеме, его проецирующей и стоящей за ним. В отличие от предыдущей, данная схема, предполагая свой собственный взаимодействующий тип, не касалась бы сферы отведения нежелательного с возможностью предотвращения или избегания опасности, пример ничего подобного не содержит. Это была бы сфера знания о конфликтных контактах, заряженных причинением неприятностей и/или вреда, с переносом, отражением, в виде их следствия, в состояниях не-бенефактива (если определять это обобщенно). Начало схемы было бы аналогичным тому, что себя наблюдало в предыдущем примере, в дальнейшем, однако же, расходясь (полужирным в схеме выделены ее определяющие, главные, признаки):

$S > [ContOccurs(ObjMin)Animal < ObjMin(Obrut)] > Obj(Min)ObrutAnimal(AfflictS)$

Передать это можно такими словами: 'предполагаемый контакт субъекта, реализуемый как встреча, *ContOccurs*, с животным объектом потенциальной угрозы, *(ObjMin)Animal*, при условии состояния отягощенности в данный момент с его стороны, *ObjMin(Obrut)*, ведет к поражению от него для субъекта, *Obj(Min)ObrutAnimal(AfflictS)*'. То, что данное поражение имеет своим следствием также не-бенефактив состояния, в будущем обуславливается ситуативным контекстом – добычей у волка в виде убитого им домашнего животного, принадлежавшего тем, кто будет по нем тужить.

Обобщенную концептуальную схему, проекцией которой данная предстает, можно представить следующим образом: 'встреча с хищником в одиночку, особенно отягощенным добычей, неизбежно содержит угрозу с его стороны'.

О "предсказующей" роли животных существ в отношении человека

Рассмотрим теперь пример не только с другим животным, но и по представленным в нем обстоятельствам существенным образом отличающийся от двух предыдущих. Речь в нем пойдет не о встрече и не о движении-пути, равно как и смысл показанного не соотносится с ранее получаемыми следствиями. Выглядит это так:

Если заяц пробегает через селение из одного конца в другой и при этом остается незамеченным собаками, то это предвещает пожар.

Нашедшая свое отражение ситуация, и это важный определитель ее, не предполагает наглядно воспринимаемого человеческого субъекта, как возможного действующего и адресата, который должен в представляемом случае что-либо предпринимать. Субъект-адресат в данном случае, не называясь, присутствует скрыто. Субъект этот множественный, и это в своей совокупности отвлеченные те, которые связаны местом своего проживания и бытия с тем, что обозначено словом *селение*.

Говоря о селении, следует поставить его в общий ряд с тем, что применительно к двум предыдущим примерам нашло свое отражение в определителе движение-путь с проявляемыми при нем предикатами. Селение относилось бы к концептуально представляемой группе, связанной с сопровождающими их для сознания предикатами, которую можно охарактеризовать как местоположение, имея в виду отношение к стоящему за этим субъекту, который, для данного случая и в большинстве подобных, мыслится множественным (плюральным). Для селения, исходя из примера и связанных с ним предикатов, существенно то, что выражено словами *пробегает (заяц), из одного конца в другой, (остается незамеченным) собаками, пожар*. Тем самым, *селение* для сознания есть такое местоположение субъекта, которое (опуская другие определители) предполагает возможность в движении пересекать его; как пространство и плоскость, оно имеет один конец и другой, что дифференцирует его в отношении граничности, – пространство это предполагает очерченную и исчерпывающую себя обозначенность, где-то с чего-то начавшись и где-то закончившись. Следуя далее и не обращаясь к другим показателям, *собаками* определяется то, что, помимо субъектов-людей, присутствуют рядом с ними сопутствующие им животные существа, с людьми в селении проживающие, ролевое предназначение которых предполагает охрану селения в его составляющих и в пределах его границ. То, что *пожар*, имеет в виду возможность деструкции, разрушения, уничтожения, того, что имеется в границах селения внутри, опять же в его составляющих.

Получившаяся картина, за этим стоящая, отвлекаясь от общеизвестных и принятых представлений о том, что такое *селение*, и опираясь в параметральном его описании на то, что содержит в себе материал, ибо это будет давать понимание, чем является и что собой воплощает изучаемая понятийно-предметная область поверий-примет, – картина эта будет обращена к тому, что, характеризуясь и отражаясь в них, происходит и что из этих характеристик и отражений следует, по исходной и обобщенной формуле 'если имеется то и то, то ожидать придется то-то и то-то': если заяц пробежит через селение описанным образом, и это *если* помещается для примет и поверий, как правило, в левой части того, что выражает себя словами, то следует ожидать в данном селении пожара. И это следствие-разрешение левой части, как правило, помещается в правой.

Вернемся, однако, к примеру. Что собой представляет заяц применительно, но не к селению, а к ожидаемому в нем пожару? Выступает ли он его вестником или приносит пожар с собой? *Приносит* следует понимать как тянущуюся за ним и в нем заключенную, невидимую и пока еще не реализованную, "искру" пожара. Под искрой кроется некий в невидимой части действительности исток, который выходит наружу, материализуется, видится, воспринимается, в каком-то времени для человека, когда наступает пора ему, как истоку, себя проявить. Не вдаваясь в мировоззренческие обоснования обрисованного таким образом положения, достаточно видится замечание о том, что, для зайца, в позиции к нему в таком его объявлении человеку, это были бы распознаваемо-значимые (как знаковые) проявления, исходящие от животного существа. Нечто, некое поведение, предполагающее дополнительно важные сопровождающие обстоятельства (для примера это то, что (*заяц*) *пробегает через селение из одного конца в другой*, и то, что *при этом остается незамеченным собаками*), будучи видимым или слышимым, наблюдаемым, замечаемым, для человека становится знаком чего-то другого – то,

что в данном селении будет *пожар*. Сомнительным было бы думать, хотя это в целом не исключено, с учетом особенностей комплекса представлений предметного мира поверий-примет, сомнительным было бы думать, что заяц предупреждает людей, находящихся в данном селении, о том, что их ждет. А тогда, как можно было бы объяснить поведение зайца в отношении к предсказываемому им пожару? Объяснение это видится важным с позиции изучаемой понятийно-предметной области, или предметного мира поверий-примет, поскольку характеризует определяющую его и их особенность в отношении животных существ, которые действуют применительно к человеку обозначенным распознаваемо-значимым, или знаковым, образом.

Представим себе, в стремлении найти более или менее подходящий ответ на заданный перед этим вопрос, представим себе селение, в котором в каком-то не так, чтобы отдаленном времени, должен случиться пожар. Селение это, не с человеческой и не наблюдаемой, невидимой, точки зрения, обременено, заряжено и заражено, скажем так, пожаром, которого еще нет, но который будет и поэтому существует в действительности и в пространстве как то, чему предстоит состояться. Эта заряженность и зараженность, инсертированность^{4*}, ощущается разными животными существами, зайцем в нашем примере. Ощущаясь им, она притягивает его в себя, как если бы в данном пространстве (селении) существовала какая-то, скажем, энергетическая, если не дыра, то нарушение, изменение, сбой полевого характера. Притягиваясь и втягиваясь, ненамеренно, но по природе животных своих вещей, заяц интуитивно и инстинктивно (так это можно воспринимать), стремится, попаданием в эту зону, если не залатать ощущаемое им нарушение, то проскочить, просквозить его, в беге собой очертить. Отсюда то, что он *пробегают через селение из одного конца в другой*, т.е. пересекает его, вдоль, поперек и насквозь. Далее следует важное указание – то, что он *при этом остается незамеченным собаками*. Чем обусловлено то, что собаки в подобном случае зайца не замечают, при том, что им это в целом не свойственно, они непременно бы отреагировали на появившегося в селении зайца, к тому же их много по разным дворам, а пробегают он *из одного конца в другой*, в пространственно-временном протяжении, не просто себя объявив в каком-то отдельном и обособленном месте в том же селении?

Отвечая на этот вопрос, можно представить, в качестве допустимо предполагаемых, два вероятные разрешения. Первое – это то, что заяц, в такой своей знаковой роли, не ощутим. Не то чтобы это был нереальный заяц и не от мира сего, не из этого мира (хотя и подобное не исключено). Не ощутим он в своем отношении к не реализованному пока что пожару, к укрытому и где-то зреющему в пространстве селения истоку его, селение собой заряжающему. Заяц, так это можно себе представить, вбегая в селение и пересекая его из конца в конец, входит в его собой обволакивающее, его окружающее и им несомое поле пожара, которого еще нет. Означало бы это нахождение и пребывание зайца в не-этом, не в данном, пространственном времени, с точки зрения производимого им действия по пересечению селения с пожаром, которого еще нет. В связи с чем этот заяц, для восприятия и чутья собаками, хотя видим, не ощутим, поскольку, будучи здесь и сейчас, он в то же время, как заяц и как животное существо, одновременно находится, пробегая селение, в нем не сейчас, а в пожаре, в заложенном в данном селении пожаре как временном его состоянии.

Второе, что объясняло бы разбираемое положение с его незамеченностью собаками, можно представить себе, как прокладываемый, точнее, пересекаемый им в его беге, коридор, в котором присутствует некая сила (что это за сила, невозможно, да и не следует определять, поскольку нет ей понятного и объяснимого обозначения, можно лишь предполагать, что сила эта не одушевленная). Сила эта влечет его за собой, собой его окружает и сопровождает. А поскольку данная сила не то, чтобы представляет собой указанный коридор, но присутствует и, присутствуя, действует в нем, по крайней мере для зайца, коридор этот с силой, действующей

⁴ * Лат. *inserto, āvi, ātum, āre* ‘вкладывать, всовывать’; ‘вводить, включать’.

в нем соответствующим образом на пробегающего в нем зайца, не дает собакам возможности его отследить, включая его в себя и его, тем самым, собой охватывая.

То, что в рассматриваемом с зайцем примере, касается выводимой сферы, вводило бы нечто новое. Воспринимая как знание в целом все сказанное в примере, т.е. если случится увидеть зайца в том, что он пробегает селение и т.д., то следует знать (и это предполагает знание), что в данном селении будет пожар. Отталкиваясь от этого, представляется важным отметить следующее: невидимый, не слышимый, не замечаемый собаками заяц, пробегая *селение из одного конца в другой*, должен при этом видеться, замечаться, в таком его проявлении, кем-то из проживающих в данном селении людей. То, что собаки не замечают, не видят^{5*}, а замечает и видит подобное положение человек, не случайность, а получаемое человеком, если не прямо так, чтобы ему даваемое (чем-то и кем-то) знание. И тогда, коль скоро это получаемое знание, выводимое из наблюдаемого происходящего, а не то, которое существует в сознании изначально и предварительно, как в рассмотренных перед этим примерах с волками, то это знание следует определять как узнавание, *Agnit* (agnitio), с представлением того, чего ожидать, что будет, какое будет, что есть, какое есть (если человек исходно не знает об этом), что должно быть, поскольку произойдет. И это была бы еще одна сфера, коррелятивная к сфере знания *Experient*, и являющаяся ее отражающим продолжением, вместе с тем дополняя ее, поскольку то, что по каким-то признакам узнается, становится частью расширяемого в эту сторону, как получаемого, знания.

Что представляется важным в данном примере и на что необходимо в этой связи обратить внимание, это то, что, как и в случае с встреченным волком, несущим добычу^{6*}, существенно то, что определяемого положения нет возможности избежать. Как волк, несущий добычу, нападет непременно на человека, им на дороге встреченного, так пожар в селении, через которое пробегает заяц, будучи не замечен собаками, неизбежно произойдет. А поскольку того и другого не избежать, то обозначенная ранее сфера *Propuls*, отведения нежелательного, своего отражения здесь не находит. В дополнение к сказанному необходимо отметить, что если бы пробегающий через селение из конца в конец заяц был замечен собаками, что вполне допустимо, то о знаковости в отношении пожара в этом случае не приходилось бы говорить. Из чего следует, что собаки, не представляя собой знаковости как таковой, входят в качестве обстоятельных показателей распознаваемо-значимого проявления зайца – как животного существа в такой своей роли по отношению к человеку. Без сопровождающего их участия в характеризующей ситуации предвестие зайцем пожара не имело бы места.

Итак, перед нами еще одна сфера – узнавание, *Agnit*. Еще одна проективная свойственность человека – местоположение, помимо и в дополнение к ранее выведенному движению-пути, отличающееся от последнего тем, что связано оно с освоенным, обработанным, приспособленным и своим пространственно-временным положением, предполагающим более или менее постоянное пребывание в нем, проекцию в бытийно-хозяйственной деятельности и нахождение, определяемое как проживание. Как уже отмечалось, местоположение определяет себя в одном из своих пунктов как *селение*. И это форма местоположения, а не его предикат, предикаты, будучи связаны с данной формой, определяются ею и вместе с тем определяют ее, в пространственном, в первую очередь, но не только в пространственном отношении. На основе дальнейших примеров можно будет представить это более обстоятельно. К *селению*, на примере рассмотренного, как одной из форм местоположения человека (имеет смысл повторить), относится то, что является его пространственной предикатной характеристикой (расположе-

⁵ * Может, и замечают, и видят, но по какой-то причине не реагируют.

⁶ * Хотя это и другой пространственный, временной и модальностный план, относимый к определяемому происходящему, а не к тому, чего нет и что может, поскольку должно неизбежно, произойти. Отсюда модальность индикатива с волком и модальность долженствования², дебитива, с зайцем, пробегающим через селение насквозь.

ние на поверхности, в плоскости, и, тем самым, исходно двумерной), определяясь словами *из одного конца в другой*, и это же будет касаться параметра замкнутости в открытых и пересекаемых границах, – где селение начинается и где-то кончается, имея вид нерегулярной окружности, с учетом, нередко важного, того, что вокруг (околица).

Дополнительной и не менее сущностной характеристикой, как уже говорилось, является для селения то, что связывается с собаками – животными существами, определяющимися словом *домашние*, в отличие от диких зверей, в селении типичным образом не обретающихся, но способных входить, появляясь в нем, что, в свою очередь, может быть не случайным и для знающих знаковым (как в примере с зайцем). То, что связывается с собаками как домашними и освоенными животными существами, составляет ближайшее животное окружение для человека, с одной стороны, а с другой, представляясь как живые предметности сосуществования, имеют они для него функционально определяемый хозяйственно-деятельностный и бытийный смысл. Для селения, поскольку об этом в данном случае речь, собаки и другие живые домашние существа, фигурируют в роли совместно с человеком живущих (в границах селения) сопровождающих, в разных своих для него ролях и значениях.

И, наконец, последнее, что бы касалось рассматриваемого примера, – концептуальная схема, за ним стоящая и его определяющая, которая видится следующим образом:

AgAnimal > [Transcurs(HomSedLoc) < Canis(NonSens)] > Inflamm(HomSedLoc)

И, передавая словами: ‘животное, действуя как агент, в качестве производимого им действия в беге пересекает место селения человека, не замечаясь собаками, что означает поражение (в пожаре) огнем данного места-селения’. Более общая схема касалась бы представления о том, что ‘нечто необычное, не совсем обычное (для примера то, что заяц пробегает через все селение из конца в конец и собаки при этом не замечают его), производимое диким животным (впрочем, не только диким), может свидетельствовать, в том числе, об ожидающем человека, людей, поражении того, что является его (их) собственностью или имеет к нему или к ним прямое свое отношение’.

Обратим теперь внимание на то, что можно вывести на основе такого примера:

Мыши, бегая в амбарах поверху, у потолка, по кулям и пр., предсказывают тем самым повышение цен, а бегая по полу, понизу, – понижение цен.

Появляются мыши, ориентация производимого бега которых в амбарах в направлении поверху или понизу соответствует повышению либо понижению цен и коррелирует с ними. Обозначив подобное положение, обратимся к тому, что для определяемой предметной области предполагает данный пример. Первое, что можно заметить, имея в виду отношение к человеку, будут *амбары* (почему во множественном числе и значима ли эта их множественность, об этом пойдет речь впоследствии). Амбары не касаются ни проявившего себя перед этим движения-пути, ни того, что было определено как местоположение для *селения*. Это еще один компонент экзистенциально-бытийного положения, обозначим его как хозяйственное месторасположение, предполагающее местообъекты определенного назначения, как открытые, так и закрытые, имеющие распознаваемую форму и обозначенные границы, в пределах которых что-то обычно находится, что имеет какое-то важное для человека значение, поскольку обеспечивающее его нормативное (как не поврежденное, не ущербное) состояние.

Объекты подобного рода могут дифференцироваться, но не в отношении их назначения для решаемой задачи и не с точки зрения состава, вида, формы, позиции размещения, имея в виду отдаленность либо близость к жилью, а с точки зрения того, какое находят они функциональное и семантическое отображение в изучаемых примерах с отнесением всего этого к предметному миру поверий-примет. Важным, тем самым, видится то, как они связываются с тем, через их содержащий пример, что себя объявляет в определяемом материале. При амбарах с мышами это выглядит таким образом, что, поскольку в амбарах обычно хранится зерно, которое может быть предназначено, в том числе для продажи (для личного потребления также,

но это был бы другой вопрос), то их обладателю, семье обладателя, важно, во всяком случае не безразлично, заранее знать, принесет ли продажа в них содержащегося зерна ему прибыль или придется рассчитывать на убыток. Это важно узнать заранее, чтобы, во-первых, себя подготовить к получению прибыли либо наоборот, а тогда скоординировать свою хозяйственную деятельность, и, что было бы во-вторых, с тем чтобы вписать ее в проецируемый в данной связи контекст.

Имея в виду не только хозяйственное, но и просперитивное, ожидаемое в будущем, положение, связанное с благополучием либо неблагополучием, из этого следует определение для амбаров как локативных емкостей, *Loc(Capacit)*, содержащих в себе, помещающих объектно воспринимаемое средство того либо иного просперитивного достижения, – *Obj(MedProsper)* в обозначаемой формуле. Данное средство-объект есть способом реализации желаемого благополучия (выражаемого реально в материально-финансовой форме), однако, как такового (благополучия), в его ценностном измерении для человека не гарантирующим. Благополучие с его помощью может быть как достигнуто, так и нет, что будет зависеть от действующих в данной реальной действительности конъюнктурных сложившихся обстоятельств. Стоит за этим, следовательно, некий движимый скрытыми силами механизм, не обязательно и не исключительно понимаемый как чистая конъюнктура, сложившаяся или складывающаяся на данный, обычно сезонный, момент, но и (имея в виду понятийно-предметную область поверий-примет) нечто невидимое, несюстороннее, вредоносное либо, напротив, способствующее, в том числе и со стороны умерших, предков, не только предков, что, воздействуя соответствующим образом, тем либо другим, обуславливает значение ожидаемо-возможного благосостояния, его меру и показатель, вверх либо вниз. Тем самым, помимо действующих, определяемых как природные и социальные, обстоятельств (так сложилось на данный момент, что зерна будет много или будет его не хватать, а предложение превысит спрос и потребности либо наоборот), – помимо этого, действовать будут, поскольку всегда, постоянно действуют, силы потустороннего, присутствуя неизменно в мире людей. Все это следует понимать с точки зрения все той же понятийно-предметной области и ее предметного мира.

Сказанное будет иметь свое отношение не только и не столько к амбарам, сколько к находящимся в них неизменно мышам, если не выразителям того, что исходит от потустороннего, в его положении к мертвым и миру мертвых, то с этим потусторонним связанным³.

Стоит представить себе такую картину. Нечто в отношении разбираемого предмета (собранного зерна и цен на него) уже себя проявило, для человека невидимо, поскольку не реализованно для него и для него поэтому пока что не произошло. Есть некий вход в виде сквозящего нечто, как отсутствие либо, напротив, избыток (данное представление следует воспринимать в условно энергетическом смысле), что определяет, определит себя в будущем в форме цен на зерно. Это нечто известно (если не прямо было организовано и произведено) тому, что исходит от непосюстороннего, того, что в нем пребывает. Как известное и в невидимом уже состоявшееся, это нечто способно себя в мире видимом, для человека, себя объявлять, в доступных формах, посредством тех, в том числе и одушевленных, предметностей, к которым относятся, в частности, мыши. Намеренно это делается, подаваясь людям как знак, или в силу природы вещей, согласно с которыми потустороннее проступает видимым образом на поверхности этого мира, поскольку не может не проступать, ибо видимый и невидимый мир составляют единство, – не то чтобы было не важно, но способно быть тем и другим. И тогда ожидаемое, а для мира потустороннего уже и имеющееся, поскольку сложившееся, экзистенциальное состояние, то, которое проявит себя впоследствии для социальной плоскости в конъюнктуре цен на зерно, начинает, ибо должно, себя объявлять в том, как бегают мыши в амбарах. В амбарах, что объясняет их множественное число, поскольку ожидаемое положение с ценами будет касаться всего континуума произведенного человеком зерна, а не каких-то воз-

можных случайных отдельностей. Множественность амбаров при таком положении означает всеохватную целостность (в отношении цен) и ожидаемую в этой связи неизбежность.

Исходя из сказанного, в амбарах, а следовательно, и в том, что было определено как хозяйственное месторасположение, распределяемое для человека в его составляющих местообъектах, – в амбарах, поскольку на материале примера следует говорить лишь о них, необходимо усматривать не только объекты исключительно хозяйственного предназначения, определенные ранее в признаках локативных емкостей, $Loc(Capacit)$, в отношении просперитивного средства с учетом хранящегося в них зерна. Их необходимо рассматривать и с этим видеть, в связи с мышами, в их значимом положении к тому и к тем, кто и что за мышами стоит и кого и что они собой представляют. Речь о все том же невидимом и не посюстороннем, не исключая при этом мира мертвых и их самих. Из чего получалось бы, что амбары, если не местообъекты их более или менее постоянного пребывания, что возможно, но, видимо, в каких-то определенных случаях, то, во всяком случае, это местообъекты их проявления, через посредство мышей ли, другим ли каким-то образом. И тогда представляемый показатель амбаров как локативных емкостей для содержащихся в них объектов-средств просперитивного назначения, т.е. зерна, уточнить бы следовало также и в эту сторону, с точки зрения влияния каких-то невидимых сил, определение вида которых не будет существенным, к тому же и материал оснований к этому не дает. В распространяемой формуле это можно представить, в отношении амбаров как местообъектов хозяйственного месторасположения (повторение в данном случае необходимо для точности), следующим, несколько упрощенным и недостаточно полным, образом:

$$Loc^{Pl}Capacit(Obj^{Pl}MedProsper<PotestLatent)$$

Или, если в словах: 'множественно представляемый емкостный локус (нечто в себе содержащий, что составляет его назначение), $Loc^{Pl}Capacit$, также множественного объекта-средства возможного достижения просперитивности, $Obj^{Pl}MedProsper$, определяется в своей мере-значении (для обладателя данного локуса) скрытыми силами, $<PotestLatent$ (невидимого потустороннего)'. Словами приходится кое-что, уточняя, распространить, что не нашло своего отражения в формуле, не потому, что ее бы это значительно усложняло, хотя это так, а потому, что эти самые распространители уточнения входят в отображенные в формуле показатели признаков на последующих уровнях проявления.

Обращаясь к немаловажному, в отношении рассматриваемого примера, представлению верха и низа амбаров, видим обозначение того и другого с помощью слов *поверху*, с уточнениями *у потолка*, *по кулям* и пр., *понизу* – *бегая по полу*. Верх представляется *потолком*, с *кулями*, то ли по стенам, то ли свисающими с него, низ, соответственно, *полом*. За этим находится то, что характеризует амбары, но не как строительные объекты положенного им назначения, а как то, что содержится в них (зерно в кулях), а также как то, где находятся мыши, где обитают со своими гнездами или только приходят. Ожидаемое повышение цен выносит бегающих по амбарам мышей к потолку, понижение обращает их к полу.

Отвлекаясь от знаковости подобного их проявления для человека, поскольку с позиции мышей это не знаковость, они не имеют намерения человеку о чем-то таком сообщать, отвлекаясь тем самым от знаковости, представить подобное положение можно следующим образом. Нечто, себя уже внутренне и невидимо проявившее (возвращаясь к тому, о чем ранее говорилось), то ли будучи организовано, то ли прочувствовано и распознано скрытыми силами потустороннего, $PotestLatent$, создает атмосферу (так это как-то можно выразить, но не определить и понять) поднятия, вынесения наверх, поскольку за этим динамика соответствующей, регулируемой ценами меры, себя проявляющая в энергетике какого-то поля (нет других слов к объяснению данного положения), либо, напротив, падения и опускания книзу. Мыши, воспринимая то и другое, поддаются этой волне, не то чтобы ориентируясь, но, скорее, выносясь – наверх, к потолку, либо спускаясь, на той же волне, к полу и, соответственно, низу. И тогда, поскольку речь об этом верхе и низе, потолок и пол, в ограничивающих их рамках внутрен-

него объема амбаров, становятся не показателями, а воплощенными материальным, наблюдаемым образом, мерами движущейся в своем направлении к реализации в будущем атмосферы, ее определяющей, через рост либо падение цен, процветания. Связанное с этим состояние реализации в будущем, в том или ином вероятном виде своем, "поднимающим" человека, его благосостояние, его положение, его самочувствие, а также его самого, либо, напротив, его "опускающим" (так это можно в динамике и не метафорически себе представлять, исходя из традиционно заложенного в сознание воображение верха и низа), – коррелирует данное состояние, а коррелируя, себя выражает, во-первых, в той атмосфере, которая движет все остальное кверху / книзу, во-вторых, в ориентации к потолку с кулями либо к полу в амбарах и, в-третьих, в мышцах, на которых данная атмосфера ожидаемого состояния действует таким образом, что выносит их кверху и к потолку либо опускает к низу и к полу.

Для человека указанное в примере поведение мышей следует относить к той сфере, которая была обозначена как узнавание, *Agnit* (чего ожидать), а в ней, в этой сфере, для человека, это было бы распознаваемо-значимым проявлением мышей. То, что нашло свое отражение в примере с зайцем, пробегающим через селение, означая пожар. Имеет смысл в этом случае отметить отличие распознаваемо-значимых проявлений мышей и зайца на основе примеров.

Помимо того, что это было бы разное по своему характеру следствие-результат – уничтожение при пожаре и приобретение либо утрата, повышение материального положения-статуса либо наоборот, – важным видится еще один различающий показатель. Пробежание зайцем селения из конца в конец, при незамеченности собаками его такового действия и его самого, касается, в отношении пожара, места его пробега, т.е. селения. Бег по амбарам мышей, не сквозной (и это еще один уточнитель, вида производимого действия), а направленный либо кверху, либо к низу, это два разные бега в его направлении. Бег мышей не касается и не затрагивает амбара, касается он того, что амбар способен в себе заключать – как емкостный место-объект содержащегося в нем объектного средства потенциального благосостояния, в своих, его составляющих формах, в формах своей структуры (пол, потолок), способный, но не коррелируя, а передавая и в себе содержа, воплощать характер направленности вверх либо вниз ожидаемой к реализации процветательно заряженной атмосферы. И это был бы другой, отличный от заячьего примера, вид распознаваемо-значимой, знаковой, в отношении человека, со стороны воплощающих их собой животных, проявленности. Определим то и другое на данном этапе, что можно будет впоследствии уточнить, как распознаваемо-значимое животное проявление местообъектно направленное, на местообъект обращенное (в случае зайца с ожидаемым пожаром в селении), и проявление указующее, остенсивное (на примере с мышами).

Остается вывести стоящую за всем тем, что касается амбаров с мышами, концептуальную схему актуального и затем виртуального вида. Представить первую можно следующим образом:

$$AgAnimal > [CursLoc^{Pl}Capacit(Obj^{Pl}MedProsper < PotestLatent) > Sublim / Deors] \leftrightarrow Sublim / DeorsModul(Obj^{Pl}MedProsper)$$

И в словах: 'проявляющее себя как агент совершаемого им действия животное существо, *AgAnimal*, бегая, *Curs*, в направлении кверху / к низу, *Sublim / Deors*, в множественном емкостном местообъекте, в себе содержащем множественный средство-объект возможного благосостояния, *CursLoc^{Pl}Capacit(Obj^{Pl}MedProsper)*, определяемого, обозначаемого, организуемого, регулируемого скрытыми силами потустороннего и невидимого, *PotestLatent*, своим таким бегом, его направлением определяет, указывает, на воздействующее на благосостояние меру, значимость, стоимость, цену, вверх либо вниз, множественного средства-объекта процветательного состояния, *Sublim/DeorsModul(Obj^{Pl}MedProsper)*'.

Обобщенную концептуальную схему, проекцией которой выступает перед этим описанная, можно представить как 'направленность бега определенного ряда животных существ (в

частности кверху / к низу), особым образом связанных с миром потусторонним и мертвым, может служить показателем ожидаемого в будущем (благо)состояния (/ неблагосостояния) для человека».

Очередной пример для производимого предварительно-общего представления будет также с мышами в амбаре, в связи с чем об амбаре как об описанном ранее местообъекте, касающемся хозяйственных месторасположений его обладателя, не приходится говорить. Внимание следует обратить лишь на форму числа, в данном случае оно будет не множественным, а единственным, что видится не без значения:

У кого мыши натаскивают хлебное зерно в предметы, подвешенные в амбаре, тот разбогатеет.

Начнем в связи с этим с того, что касается формы числа. Если сравнивать с предыдущим примером, в котором мыши бегали в амбарах поверху либо понизу, эту самую форму числа имеет смысл связывать с характером предсказания. Одно дело повышение либо понижение цен, и это в самой своей сути предполагает множественность, к тому же поддерживаемую в своей значимости для хозяина, предполагая неотвратимость ожидаемого в будущем состояния. Цены также, точнее то, что с ними связывается, выносятся за пределы личной приватной сферы, касающейся одного человека, это явление множественное и социальное в своем существовании. То же, что некто разбогатеет, имеет характер камерный, замкнутый на одного человека и обращенный исключительно на него. Мало этого, это его ожидаемое состояние в оптимальном случае не должно быть предметом общественной заинтересованности и распространяемого знания среди многих других, с тем чтобы не вызывать неприязни, не становиться объектом зависти и источником вполне возможных для обладателя возможных богатств неприятностей. Эта замкнутость и обращенность на одного и находит свое выражение в форме единственного числа для амбара, который, применительно к всем тем же мышам, о которых ранее говорилось, остается при этом и в данной поверии себя проявляет как местообъект, в котором, при посредстве мышей, равно как и в них самих, проявляет себя возможность взаимодействия с невидимым, мертвым и потусторонним, что входило бы признаком в существующее в сознании представление об амбаре, о том, что такое амбар. Может быть, во всяком случае это видится наиболее вероятным, указанное взаимодействующее и одновременно с этим присутствующее отношение амбару к действительности в обратной, темной, невидимой ее стороне, проявляющееся в мышах, в нем периодически или более-менее постоянно находящихся, представляется связанным не во всей допустимой для подобного отношения охватывающей протяженности, но в той части, которая обуславливает просперативность – благополучие, благосостояние, также в своей обратности, как неблагополучие, утрата благосостояния и пр., что имело бы прямое свое отнесение к хозяйственному предназначению того, что такое амбар и что он, в конечном итоге, собой представляет.

Местоположение описываемого происходящего в приведенном примере тем самым определено. Интерес представляют, если идти по порядку, заданному определением амбара, *предметы*, охарактеризованные как *подвешенные* в нем. Не суть важно, что это за предметы, достаточным видится представление о том, что, помимо того, что *подвешенные*, должны они восприниматься, если не прямо как емкости, то как то, что может что-то, пусть и не объемно большое (поскольку *зерно*) в себе содержать. То, что это предметы подвешенные, а не лежащие на полу, что было бы также возможно в амбаре, предполагает их ориентацию не к низу, а кверху, и это имеет значение, подобное тому и соотносимое с тем, которое нашло свое отражение в предыдущем примере, предполагавшем подъем, при верхе и потолке, а не падение, не понижение и не спад ожидаемого просперативного состояния при том, что при низе и поле. То же, что это какие-то, пусть и не большие объемности, в которых можно (мышам), натаскав в них, оставить зерно, означало бы связанного с этим представления, с одной стороны, об увеличении, возрастании, добавлении, прибыли, а с другой своей стороны,

о кумуляции и сохранении этой прибыли и увеличения, что имеет соотносимое свое отношение с представлением об ожидаемом богатстве. Богатство это выражает себя для восприятия и сознания через посредство *зерно*, которое, дополнительно ко всему, также *хлебное*. Не входя в символику, а точнее семантику хлебных зерен для народной традиции⁴, прямо связываемую с представлениями о благополучии в его материально-финансовом проявлении, было бы это одновременно тем, что тремя своими значимыми концами соединяет в единое целое мышей, амбар и то состояние, которое в примере выражается словом *разбогатеет*.

Представить себе это триединство в хлебном зерне можно следующим образом. Нечто существующее и начавшее двигаться, тронувшееся в своем движении к проявлению, что следует определять как ожидаемое хозяина амбара возрастание благосостояния, мышами не провоцируется, а проецируется, мыши чувствуют, а точнее входят в распространяемую атмосферу данного состояния, подключаются к ней, а подключаясь, выходят, в ней находясь, в амбаре кверху, не к низу. К этому надо добавить, что мыши *натаскивают* (*хлебное зерно в предметы*), а не грызут их и зерно это не уничтожают. Что свидетельствовало бы о не голодающем, сытом, расположении их в данный момент. Выносит и поднимает кверху, к подвешенным в амбаре предметам, мышей также некая потусторонняя сила, которая коррелирует в своем положении и в своем состоянии в тот же момент с тем, что было определено как начавшая себя проявлять атмосфера ожидаемого возрастания материального благополучия. И тогда третьей частью, помимо распространяемой атмосферы подъема и действующих в ее поле, определяясь влиянием потусторонней силы, мышей, третьей частью указанного триединства был бы амбар, который в этом своем проявлении выступает как местообъектная емкость, способная быть либо полной, либо пустой, наполняемой либо опустошаемой, резонирующей к росту, движению вверх, либо, напротив, к падению и понижению.

Будучи таким резонатором состояния своего обладателя, материально-финансового, выражаемого в хлебе-зерне, камертоном, если использовать музыкальное сопоставление, а оно здесь на месте, поскольку речь о тоновом, точнее тональном, модулятивном, движении и изменении, будучи таковым камертоном, амбар реагирует, но не задает какой-либо ожидаемый тон, а звучит ему в унисон, содержа в себе и в себе отражая (в данном аспекте как резонатор, а не камертон), то "звучание", которое распространяет себя, входит в амбар, поскольку звучание это есть его функциональная сфера, и которое, распространяясь в амбаре, в нем расходясь, дополнительно действует на мышей, а выражает себя в хлебном зерне, которое поднимается ими в данной связи наверх, к подвешенным в амбаре предметам, равно как и их самих поднимает, возносит наверх, и, в силу ожидаемой к тому, что *разбогатеет*, накапливаемой и оставляемой кумулятивности, предполагает натаскивание, как действие неоднократное и повторяющееся, с оставлением натаскиваемого в этих предметах внутри.

Все то, что было описано и представлено в отношении этого второго примера с мышами, было бы еще одним проявлением, наравне с предыдущим примером, той сферы, которая была названа узнаванием, *agnitio*, *Agnit* (чего ожидать). Означало бы это, приходится ради точности повторить, что отраженное в материале примера поведение мышей служит средством распознавания для человека, обладателя амбара, поскольку имеет свое отношение только к нему, того, что его ожидает.

Важным видится в данной связи обратить внимание на два существенных обстоятельства. Первое – это то, что человек не видит, во всяком случае было бы сомнительным, чтобы видел мышей в процессе производимого ими действия, мыши, при таком повороте, не объект его наблюдения. Видит он, скорее всего, воспринимает и распознает результат – то, что мыши уже натаскали *хлебное зерно в предметы, подвешенные в амбаре*. Из чего будет следовать немаловажный вопрос, касающийся формы глагола *натаскивают*, как действия движущегося, кратного и повторяемого ими. Глагол этот стоит в настоящем времени, которое, для человека, следует определять как перфект, т.е. действие в его для него результате, а тогда настоящее

время относилось бы к положению в отношении мышей, – мыши находятся в таком положении, которое предполагает совершение ими указанных повторяемых действий. Из чего следует, что та же форма настоящего времени, определяясь к акциональному положению мышей в отношении производимого ими действия и своего подключения к нему, форма эта внутренне отмечает (поскольку связана с положением мышей) то, что данное их положение создает, формирует и провоцирует. Относилась бы эта форма тогда к обозначенным ранее скрытым силам потустороннего, одной своей стороной, и "настоящему времени" того распространяемого в амбаре и им резонируемого состояния возрастания, роста и прибыли, о котором уже говорилось.

Второе, на что важным видится обратить внимание в данной связи, касалось бы отношения человека к амбару, как его обладателя и как того, который, будучи нитью невидимого связаным с ним, если не прямо знает, то ощущает и чувствует, должен чувствовать и ощущать, через связь со своим амбаром, то, что в амбаре содержится для него. Узнавание, о котором речь тем самым имеет под собой не только осознаваемую и формулируемую для себя основу, через форму слова *разбогатеет*, в будущем времени, но и сторону подключаемую – к амбару и того, что в нем, что себя, резонируя в нем, обнаруживает, постигаемое человеком через свое ощущение.

Как и предыдущий с мышами пример, данный будет иметь свое отношение к тому, что было названо распознаваемо-значимым, или знаковым, проявлением мышей. Мыши, опять приходится повторить ради точности, не подают своим таким поведением в амбаре знак человеку, они поддаются воздействию того, что соответствующим образом влияет на них, понуждая действовать указанным образом, и тогда знаковость, о которой речь, выступает следствием, а не способом их проявления.

Распознаваемая значимость, или знаковость, о которой речь, может быть дифференцирована, и таковая типологическая дифференциация в своей основе была уже ранее произведена. На примере с зайцем, пробегающим селение из конца в конец, что предполагало впоследствии в нем пожар, данное распознаваемо-значимое проявление было определено как местообъектно направленное, поскольку обращенное в предсказании на селение как местообъект. Пример с мышами, бегающими в амбарах поверху либо понизу, определил себя как проявление указующее, остенсивное, – на состояние, которое кумулятивно и адекватно соотносимо с данным местообъектом и выразимо через данный местообъект. К остенсивному типу, видимо, следует отнести и разбираемый пример с мышами в амбаре с натаскиванием ими в предметы зерна, поскольку такое их проявление имеет отношение не к амбару, указывает не на то, что ожидает его, а что через него и в нем содержится для чего-то другого – для состояния обладателя.

О распознаваемой значимости проявляемых состояний

В связи с этим тогда возникает вопрос, полностью ли совпадают оба эти остенсивные для примеров значения или, двигаясь далее, на последующем уровне, возможным было бы их различать? Разрешение так поставленного вопроса видится не в различии ожидаемого в том и другом случае состояния, при котором первое было бы одномоментным и прерываемым (цены выросли или упали к осени, и на этом конец, поскольку в следующем году они могут быть и другими, а предсказание, производимое через мышей, касается только данного года). В то время как второе, по его достижении, было бы остающимся, – *разбогатеет*, может быть и в какой-то момент, но такое его состояние не предполагается далее к изменению, имеется, в наиболее общем смысле, в виду, что оно останется и за ним закрепится. Однако не эти параметральные признаки, касающиеся различающей характеристики состояний, должны быть положены в основание типологического определения распознаваемой значимости.

Оттолкнемся для разрешения вопроса о возможной дифференциации от характера остенсивности (указания). В первом случае мыши бегают (там, где об этом речь) поверху либо понизу, производя тем самым действия, пусть и неоднократные, однако важные не в своем достигаемом ими вследствие этого результате, а в отнесении к ним самим. Человек должен

увидеть и пронаблюдать, что мыши в его амбарах бегают либо поверху, либо понизу. Из чего получается, что воспринимаемое им указание, остенсивность, содержится, заключается в них самих. Они являют собой ему такое либо противоположное указание, осуществляя такие либо противоположные действия. И тогда это была бы распознаваемая указательность агентивного типа (остенсивно-агентивный подтип).

Второй пример с мышами в амбаре, как уже отмечалось, и теперь это важно с еще одной стороны, содержит указание для человека не в бегающих мышках, таким или иным своим образом, к тому же он, в общем случае, не наблюдает, не видит этого. Указание для него содержится в том, что мышками вследствие производимых ими действий до этого, до наблюдения, было осуществлено – то, что они натаскали, постоянно или время от времени натаскивая, поскольку в примере *натаскивают* обозначает неоднократность и длительность, – то, что они натаскали (*хлебное зерно в предметы, подвешенные в амбаре*). Указующим видится это следствие, и тогда это был бы остенсивно-результативный подтип, поскольку то, что воспринимается, служа человеку и для него выступая как знак (того, что он *разбогатеет*), содержится в этом мышками произведенном следствии.

Остается вывести в завершение примера с мышами в амбаре с хлебным зерном еще одно – концептуальную схему, определяющую и объясняющую для сознания представленное в нем положение. Мыши, как и в предыдущем примере, с амбарами, выступают в роли агента, плюрального, множественного, но это для схемы неважно, поскольку количественность их не имеет значения, агент в этом случае, не будучи единичным, един. В отличие от предыдущего примера важно не то, что они, совершая свои действия, бегают, а то, что из этого следует. Важно то, что *натаскивают*. И то, что натаскивают и при этом во что и куда, составляет параметры следующего из такого их действия (неоднократно осуществляемых действий) положения – то, что *разбогатеет*. Определяемую формулу можно передать следующим образом:

$$AgAnimal > [Cumul(Obj^{Pl}MedProsperS) > SublimLoc^{Pl}(Capacit)S] > SublimCumul(MedProsperS)$$

В словах передавалось бы это так: ‘проявляющее себя как агент совершаемого им действия животное существо, *AgAnimal*, осуществляя вследствие производимых им действий собирание, накопление, *Cumul*, множественно представляемых объектов-средств благосостояния субъекта, *Obj^{Pl}MedProsperS*, будучи производимым в своей направленности на расположенные и ориентированные кверху предметы-места, имеющие свои объемы и емкости и принадлежащие данному человеку-субъекту, *SublimLoc^{Pl}(Capacit)S*, определяет, своим таким действием в его результате, ожидаемый рост и накапливание средств благосостояния для субъекта, *SublimCumul(MedProsperS)*’.

Устанавливается, таким образом, точнее проявляет себя, соответствие, что видно из формулы, между средствами просперативности (*хлебное зерно*) в их накапливаемом в предметах вынесении наверх (поскольку *предметы, подвешенные в амбаре*) и кумулируемыми и возрастающими средствами благосостояния человека, что выражено при помощи слова *разбогатеет*.

Обобщенную концептуальную схему, за этим стоящую, можно охарактеризовать таким каким-нибудь образом: ‘производимые действия определенного вида животных существ в местах и/или местообъектах, принадлежащих данному человеку, в зависимости от своего характера и направленности, могут служить показателем ожидаемого в будущем достижения либо недостижения значимого для него положения (состояния)’.

Описание концептуальной системы

Определение оснований (на примере белки)

Предмет дальнейшего обсуждения будет сводиться к тому, чтобы на материале отдельных животных существ вывести и показать возможный характер их представления для сознания, с продолжающимся при этом уточнением признаков характерной для данной предметной

области концептуальной системы. Идя по порядку источника, а порядок в нем алфавитный, в качестве первого представителя мира диких животных существ замечаем белку с четырьмя такими примерами:

Белка

Прыгает на дороге перед путником – значит, в доме, откуда он вышел, случилось несчастье, поэтому лучше всего вернуться назад.

Перебежит дорогу – к несчастью.

Если в следующие за пожаром три дня в деревню по дороге забежит белка, то в течение последующих трех лет в этой деревне непременно случится еще один пожар.

Если ранняя белка голубая, то ранняя весна будет.

Все четыре примера относятся к сфере, определившейся как узнавание, *agnitio*, *Agnit* (чего ожидать). То или иное действие, поведение, признак животного служат распознаваемым знаком, и тогда это необходимо считать распознаваемо-значимым проявлением в отношении белки. Было бы оно указательным (остенсивным) в двух первых и четвертом примере, поскольку знак воспринимается как указание через производимые белкой действия, в определенных, их уточняющих, обстоятельствах, и метеообъектно направленным – в третьем примере, предполагающем знаковость, содержащуюся не в ней самой, не в том, что она производит и каким образом действует, а в том локусе как местообъекте, на который распространяются ею осуществляемые действия, переходя на него от нее и, обратно, одновременно, а может и в первую очередь, исходя от него на нее.

Данное положение следует представлять таким образом, что имеется некий местообъект, в котором находит свое выражение, невидимым для человека образом и им не осязаемым, то, что будет касаться данного местообъекта, и в нем, как событие или явление, произойдет (в двух примерах, с зайцем и белкой, пожар селения и в деревне). Заряженный этим своим положением в будущем местообъект притягивает, своей ожидаемой деструктивностью, пространственно-полевой пустотой (трудно найти этому подходящее объяснение), притягивает и втягивает в себя ведомое в это нарушенное, ожидаемое к изменению, пространство животное существо. То или иное, но не случайное и чувствующее данное положение местообъекта, в котором оно, это животное существо, проявит себя, через него пробегающим, его промеривающим собой и пересекающим образом (либо каким-то другим): белка *в деревню*, как говорится в примере, не просто так себе *забежит*, при том, что важно, что *белка*, что *забежит* и что *в деревню*, но к тому же, и это в себе концентрирует указание, во-первых, *в следующие за пожаром три дня* и, во-вторых, не как-нибудь, а *забежит по дороге*. В примере с зайцем с его указанием на пожар такими определителями указываемого им значения были то, что через селение он *пробегают*, то, что пробегают его *из конца в конец*, и то, что при этом остается он *незамеченными собаками*. Из сочетания всего этого, воспринимаясь, прочитывается метеообъектно направленное значение.

Понимать это следует в том отношении, что заряженный ожидаемым в нем положением местообъект исходно воздействует на животное существо как-то так, что оно начинает действовать и затем себя проявляет в действии не случайным и распознаваемым образом. Вместе с тем, и в обратную сторону, животное существо таким своим поведением прочерчивает в пространстве траекторию ожидаемого местообъекта положения.

Если задаться вопросом, представив, что заяц, белка, в селении, в деревне, не появились и определяемых им действий не произвели, был бы пожар или его бы не было? Вопрос этот не то чтобы праздный или не имеющий отношения к существу, но не следующий из изучаемого предметного мира. Пожар мог бы быть, равно как могло бы его и не быть, но это не был бы тот пожар, о котором речь. Был бы это пожар не представленный, не обозначенный, не прочерченный зайцем или белкой, а потому и не распознанный. Иными словами, пожар совершенно иного, не значимого в действительности данного предметного мира порядка, не закрепленного

в нем, его в себя не включающего, пожар не его положения, не заявляемый и не предсказываемый, случайный и не соответствующий.

Прямым своим образом вопрос этот также касается, будучи связанным с ним, представления о том, что видится и воспринимается человеком, наблюдается им. Если предположить, что заяц и белка произвели все то, что нашло свое отражение в примерах, а человек ничего этого не заметил, то как это следует интерпретировать и воспринимать – что знак был дан, а его не отметили? Воспринимать и интерпретировать это следует, с учетом определяемого предметного мира, так, что этого не было, не было знака, и заяц, белка не производили ничего из того. Из чего получается и выходит, как следствие, обоюдность а) соотносимого положения местообъекта и животного существа, в нем себя проявляющего, и б) соотносимого положения животного существа, производящего свои те или иные распознаваемые действия, для наблюдающего в этом его проявлении человека. Не будь сочетания первого (а), а с ним также второго (б), не приходилось бы говорить об узнавании и распознаваемой значимости проявлений животного существа, а тем самым, и об отражении того и другого в предметном мире поверий-примет и об их для него релевантности.

Общим для первых двух, остенсивных, примеров будет также объединяющий их показатель агентности, поскольку то, что показывается через действия белки, следует распознавать в ней самой, в том, что и как она производит, а не в каком-то полученном результате вследствие ее обозначенных действий. Из чего получалось бы, что агентность эта объектная, – знаковым смыслом обладает как то, что производится белкой в сопровождении входящих в ее действия обстоятельств, равно как и она сама во времени их совершения.

Четвертый пример, с ранней белкой, которая голубая, относясь к узнаванию (наравне с остальными примерами) и распознаваемой значимости, поскольку то, что она голубая значимо в отношении чего-то другого, а не ее самоё, – пример этот предполагает еще одну разновидность и, тем самым, еще один вид узнаваемости. Определять его следует в отношении внешности белки – признака ее внешнего вида, который должен быть в этом случае не типичным, свидетельствующим о чем-то важном для человека, не имеющем прямого своего отношения к животному существу. Обозначим данную разновидность как формативно-фигуративную. Полученный в результате фрагмент характеризующих оснований определяемой системы можно представить следующим образом:

Узнавание, или *agnitio*, *Agnit* (чего ожидать), о чем-либо, касающемся человека-субъекта и имеющем отношение к нему, – как **сфера**, себя объявляющая, наряду с другими, такими, как знание, отведение нежелаемого, приобретение желаемого:

- узнавание через распознаваемо-значимые проявления животного существа (определим это как **разряд** в отношении сферы, в данном случае *Agnit*):

а) содержащие в себе указание на что-либо вне объекта распространения того или иного распознаваемо-значимого проявления животного (**тип** в составе разряда для сферы), в разновидностях:

а¹) агентного, остенсивно-агентного (агентно-объектного) **подтипа**, предполагающего проявление, относящееся к животному, в нем концентрирующееся, в нем объявляемое и представляемое;

а²) **подтипа** результативного, остенсивно-результативного, предполагающего перенесение, в своем воспринимаемом значении, с животного существа на получаемый результат его проявлений и действий, наблюдаемый обычно в каких-то предметах (в примере с мышами – *хлебное зерно*, которое они *натаскивают в предметы, подвешенные в амбаре*);

б) касающиеся местообъекта, того, что производится и распространяется в нем, – местообъектно направленный **тип** "животного" проявления (*селение, деревня*, в которых следует ожидать пожара);

с) объявляющие себя в каком-то отличающемся от привычного внешнем виде животного, его форме, окраске и пр., –формативно-фигуративный **тип**.

Все остальное, возможное для выводимой системы, получит свое отражение на основе дальнейшего материала.

Позиции и места

Возвращаясь к рассматриваемым примерам, обратим для начала внимание на то, что в первых двух случаях обнаруживает себя ранее уже отмечавшееся (при встрече с волками) движение-путь, предполагающее позицию человека вне дома в не освоенном, не вполне освоенном, пространственном проявлении. В третьем примере таким проявлением было бы местоположение, поскольку *в этой деревне (непрерывно случится еще один пожар)*. Четвертый, с ранней белкой, которая *голубая*, ничего такого не предполагает. В первую очередь, потому, что для человека и смысла того, что он получает вследствие узнавания на основе окраски у белки (то, что *ранняя весна будет*), не суть важно, где это происходит, в момент ли производимого им движения-пути, находясь ли в лесу, в другом каком-либо месте, важно лишь то, что весна. И это был бы еще один параметр, связываемый с положением человека, но не пространственным, а темпоральным. Темпорально-аграрным можно было бы говорить с учетом важности данного положения для деревенских работ, если бы не то обстоятельство, что подобное представление шире и аграрность входит в него лишь как часть. Определим это как признак темпоральной цикличности, предполагающей обращение в обновляемом цикле того, что уже ранее было и вновь повторяет себя, поскольку должно по природе своей повторять, будь то сезонная смена (весна – лето – осень – зима), будь то год, за которым последует очередной, неделя, день, с его утром, полднем, после полудня, вечером, ночью, минуты, часы и т.д., – все это воспринимается и представляется в виде вращаемого обращения, возвращаясь к прежнему и повторяясь на новом витке.

Первый пример, с точки зрения движения-пути, представляет такую картину. Белка сопровождает движение идущего (или едущего) спереди на его пути, поскольку *Прыгает на дороге перед путником*. Сопровождение это проецирует то, что *в доме, откуда он вышел, случилось несчастье. Случилось*, но он не знает об этом и из подобного местообъектного проявления белки должен узнать. Предполагает все это то, что выражено словами *поэтому лучше всего вернуться назад*. Тем самым, сопровождающее движение белки спереди, накладываясь на трассу движения-пути человека (находящегося вне дома, в неосвоенном и не своем пространстве), относит его, в обращающем возвращении к его местоположению, поскольку несчастье – *в доме*, куда ему стоит вернуться.

Следует это для движения-пути в отношении человека характеризующие данный параметр предикаты: *встретить-увидеть* (белку, появившуюся на пути) – встретить-увидеть белку, прыгающую *перед собой*. В связи с чем говорится, что *лучше всего вернуться назад*. Движение-путь по этой причине, предполагая незавершенность применительно к выбранной цели, имеет замкнутый вид, обращенный к началу, а как параметр может иметь а) сопровождаемый (со стороны животного существа), *комитативный*, характер, б) пересекаемый, *интерсективный*, в сопровождении спереди (*антекомитативный*), сбоку, сзади либо без сопровождения, с) прерываемый, *интермиссивный*, прерываемый возвращаемый, *реддитивный*. Равно как и какой-то возможный другой, который себя объявит в последующем. В примере с белкой, представленном первым, движение-путь необходимо описывать в его составляющих как антекомитативное, интерсективное, интермиссивное и реддитивное, по формуле $AnteComit(InterSect) > InterMiss(Reddit)$. Повторяющийся префикс *Inter-* ‘между, посреди’, определяет воздействующий, входящий и пересекающий, также в движении, характер животного существа – в пространственность, сферу, среду обитания человека, в отношении того, что с ним происходит, его касается и его ожидает.

Второй пример (*Перебежит дорогу – к несчастью*) представляет движение-путь в параметре пересечения спереди, анте-интерсектива, *Ante(InterSect)*, без развития к чему-то дальнейшему, поскольку то, что *к несчастью*, неизвестно, как должно повлиять на производимое человеком движение, равно как и не определяется, где, в каком месте несчастье будет его ожидать, в доме ли либо там, куда он направляется. Несчастье в этом случае определяет себя как его ожидающее, с ним движущееся, опережая его, оказывающееся перед ним состояние.

Местоположение себя отразило в первом и в третьем примерах: *в доме (откуда он вышел; случилось несчастье)*, *в деревню (забежит белка)*, *в этой деревне (пожар)*. То, что *в доме*, касается человека, не белки, белки нет в доме, в отличие от ее появления в деревне. Фигурирует дом в данном случае, помимо общего представления о нем как о локусе проживания^{7*}, как исходная точка движения, входящая в этом своем значении в представление о движении-пути, *InitCurs*. С тем существенным дополнением, что эта начальная точка есть локус внутреннего, защищенного и своего, с выходом из него при движении в пространство внешнего несвоего, т.е. потенциально, если не так сразу опасное, то неизвестное, неопределенное, амбивитивное^{8*}: *InitCurs(LocTut^{9**}) > Spat^{10***}(ExterAmbig)*.

Вторым основанием дома как местоположения для человека в примере будет следствие из того, что в нем (*откуда он вышел*) *случилось несчастье* и что поэтому *лучше всего вернуться назад*. В этом случае дом фигурирует как локус внутреннего и своего в аспекте происходящих в нем, реализующих себя состояний и положений, в ряду которых *несчастье* следует понимать как поражение экзистенциально-витального благополучия (в одной из его разновидностей). Скорее экзистенциально-витального, т.е. жизненного, чем экзистенциально-просперативного, касающегося материально-финансового и обеспечивающего положения вещей. В формуле это выглядит как *Loc(Vit) < Detriment(ExistS)* – ‘место витального пребывания в поражении экзистенциального состояния для субъекта’.

Еще одной стороной в разбираемом примере, применительно к фразе *лучше всего вернуться назад* и в отвлечении в этом случае от *несчастья*, дом предстает как место обращения к истоку начатого от него и производимого далее продвижения, место, куда возвращаются после себя завершающего и обращаемого к дому пути: *ReversLoc(InitProcurs)*. Дом, тем самым, есть также реверсным локусом, местом инициального прокурсива, выдвижения, выхода из него.

Отвлекаясь от дома, но видя следствия из того, что себя на основе его обнаружило, и делая выводы исходя из этого для движения-пути в возможных в повериях с приметами характеристиках, данный параметр, в дополнение к тому, что ранее было представлено, следует определять а) в отношении начально-исходной, инициальной, точки и возможной при этом финальной и направленно-целевой, а также, вследствие этого, медиально-медиативной, способствующей и обеспечивающей, предполагающей начало-конец (семантические показатели *Init*, *Fin*, *Med*), б) в отношении пространства производимого перемещения в его медиально-медиативной связанности с точками начала-конца, которое (пространство), на основе примера, может быть пространством внешнего амбивитивного, *Med(Init:Fin) < Spat(ExterAmbig)*, с) в отношении возвращенности, обращения, которое может быть следствием как достигнутой, так и не достигнутой цели (о чем говорилось раньше, имея в виду прерывание), равно как и оборачивания на пути, – *Revers(Procurs)* и *Revers[ProcursMed(Init:Fin)] < Spat(ExterAmbig)* для полной формулы, что отмечает значимость,

⁷ * Включая все остальное, что из этого следует⁵, но что не будет проявлять себя в разбираемом примере.

⁸ * Лат. *ambigūus, a, um* [ambigo] ‘склоняющийся то в одну, то в другую сторону’; ‘двусмысленный, темный, загадочный’; ‘переменчивый, непостоянный, двойственный, двоякий’; ‘сомнительный, ненадежный’; *ambigo, -, -, ēre* [amb + ago] ‘колебаться, сомневаться’; *ambiguē* [ambiguus] ‘двусмысленно, неопределенно’.

⁹ ** Лат. *tūtus, a, um* ‘не знающий (свободный от) опасностей, не подвергающийся опасностям’; ‘безопасный’; ‘надёжный’; ‘защищенный, ограждённый’.

¹⁰ *** Лат. *spātium, i n* ‘пространство, протяжение’; ‘расстояние, промежутки’; ‘отрезок, путь’.

может ее отмечать, амбигвитивности у пространства производимого продвижения, которая способна связываться (как в примере с несчастьем в доме) с потенциальной неопределенностью, если не прямо опасностью, ожидаемого (на пути и в пространстве внешнего) состояния осуществляющего его человека.

Внимания требуют важные в составе примера определители, которые будут касаться предсказываемого пожара, подчеркнем их в приводимом тексте поверия: *Если в следующие за пожаром три дня в деревню по дороге забежит белка, то в течение последующих трех лет в этой деревне непременно случится еще один пожар*. Подключаются определяющие проективный характер пожара темпоральные и при этом соотносимые характеристики: то, что в деревне до этого был пожар и с этого времени не прошло три дня, с одной стороны, и то, что в той же деревне должен, и *непременно* при этом, произойти *еще один пожар*, один, но не больше, по крайней мере один, как предсказываемый. Связующим первое и второе, то, что было, и то, что будет, становится белка, выступающая в роли агента определяемого происшествия, при котором деревня проявляет себя как объект. Данное положение выглядит симметричным:

Пожар $Event^1$
Деревня Obj

Три дня после него T^1
Белка Ag
Пожар (еще один) $Event^2$

В течение трех лет T^2

Пожар, как событие, случившееся и имевшее место, $Event^1$, соотносится по своему значению и проявлению с таким же событием, $Event^2$, в ожидаемом будущем. При этом время *после* (него), T^1 , с учетом того, что день прошлого, как проявляемая циклически темпоральность, становится равным году для будущего, – время *после*, в таком же значении, но числовом, уподобляется времени *перед* и *до*, T^2 : *три дня* $\leftrightarrow$ *три года*. Деревня, как объект пережитого ею в отношении события состояния, поскольку пожар есть событием для людей, а для деревни, как местообъекте с домами, ее состоянием, деревня, также как местообъект, соотносится с белкой, которая *забежит* в нее *по дороге*. Белка, следовательно, агент совершаемого ею направленного (*по дороге*) перемещения в пространстве, *в деревню*, с одной стороны, а с другой, она также медиативный, посредствующий, агент, с точки зрения предсказываемого ею пожара, того, что последует из производимого ею движения.

Для человека, людей, проживающих в данной деревне, она себя проявляет как агент узнавания ожидающего их в течение следующих лет повторения пережитого. Для пожара она тогда будет не тем агентом, который его побуждает, но тем, который, можно бы было сказать, что чувствует, и это было бы верным, однако не определяющим суть. Дело не в том, что она чувствует, а в том, что пережитое деревней в не прошедшие три дня состояние в отношении пожара не выветрилось, оно там присутствует, затихнув в ней на период в три года. Белка притягивается таким не прошедшим ее состоянием, а притягиваясь, *по дороге* входит, в нее и в него. Остается вопрос – чем в этом случае становится белка, по отношению к пожару, деревне, как бывшему, так и ожидаемому в ней. Связать ее видится значимым и объясняющим образом с показателем времени, которое меряет то, что после и до (после пожара и до ее появления в деревне), равно как и то, что также определяет себя как после и до, но в обратной проекции (после ее появления в деревне до следующего пожара). Белка своим таким проявляющим действием, тем,

что в деревню по дороге забежит, выступает пространственно реализующимся отображением времени, в соотношении для него 'три года $\leftrightarrow$ три дня'. И тогда ее следовало бы рассматривать как агента темпорального соотношения, проецируемого к ожидаемому уничтожению пожаром чего-то в деревне, передавая такое ее ролевое определение по формуле $Ag(Const T^1 > T^2)$ – 'агент временного соотношения состояния в его позиционном расположении T^1 к T^2 '.

Уровни представляемых значений

То, что в четырех приведенных примерах касается белки, определило себя в отношении человека в значениях, выражаемых словами *несчастье* (первый пример), *к несчастью* (второй), *пожар* (третий) и *ранняя весна будет* (четвертый). Касается это сферы, обозначенной как узнавание, *Agnit*, которое будет характеризовать то, что можно представить как экзистенциально-витальные состояния субъекта (субъектов), для *несчастья*, *к несчастью*, *пожар*, и состояния природно-погодные, для *ранней весны*. Обозначим то и другое, для необходимости уточняющего разграничения, термином проективные положения, или проекции, узнавания как сферы. Продвигаясь далее, выделенные два проективные положения возможным видится далее определить, для первого, как падение, подавление, депрессив, исходного состояния субъекта (субъектов) в том, что несет с собой и предполагает *несчастье*, *к несчастью*. И как разрушение (производимое огнем), деструктив, того, что имеется, что составляет имение, собственность, как объект обладания, для *пожара*. *Ранняя весна*, как природно-погодное состояние, характеризовалась бы в отношении направления, вектора, обращенности (адверсив) к проявлениям времени, силы, длительности и т.п.

Полученные в результате такого определения области, или дистрикты, в депрессивах *несчастья*, *к несчастью*, в деструктиве *пожара* и в адверсиве для *ранней весны* (важно не то, что *весна*, но то, что *ранняя*), экзистенциально-витального и природно-погодного состояний для узнавания как сферы, получают дальнейшее уточнение в последующем.

Три дефинитивных уровня – сферы > их проективные положения > понятийно-предметные области, или дистрикты, – на следующем уровне предполагают четвертый. Не входя на данном этапе в его более полное определение, требующее расширения в материале, обратим внимание лишь на одно обстоятельство. Не вполне безразличным видится различие того, что выражено в примерах словами *несчастье*, которое (в доме) случилось, и *к несчастью*, при котором представляется важным не столько то, что оно еще не произошло, а то, что содержит в себе выраженное при посредстве предлога *к* направление к нему. Тем самым, *несчастье* и *к несчастью* не вполне то же самое.

Различие того и другого и будет предполагать дальнейший, или четвертый, уровень. Если начать со второго, с предлогом *к*, положения, то *к несчастью* можно видеть как себя объявившее 'движение-переход от чего-то > к чему-то', от одного состояния к другому, с получаемым акцентом на этом другом. В то время как первое, или *несчастье*, как уже состоявшееся и себя проявившее 'падение, утрату, бывшего, прежнего, не такого, которое имеется в данный момент'. То, что в состоянии *к несчастью*, себя обнаруживает как направление к осуществлению в будущем, при *несчастье* предстает как совершение, как уже состоявшееся, в форме какого-либо события или их последовательности и череды.

Наметив этот четвертый уровень (назовем его термином ожидаемые смены, или мотуативы, в составе дистриктов), оставим, на данном этапе не дополняя его. С тем чтобы сделать в определении концептуальной системы еще один шаг, который также будет себя уточнять впоследствии. Касается это ролевого обозначения белки – в ее позиции к человеку, в предметном мире поверий-примет и на основе примеров. Связывается ее таковая роль с отношением к тому, что ею передается, а это, в примерах, дистрикты, отображаемые с помощью слов *несчастье*, *к несчастью*, *пожар*, *ранняя весна*. Из чего получается, что ее роль, по отношению к человеку в предметном мире поверий-примет, определяется как дистриктивная.

Белка, в четырех приведенных примерах, в их отнесенности к человеку как адресату, выполняет роль носителя передаваемого ею знания, на основе которого человек узнает, о том, что произойдет. Тем самым, она для него сообщающий, или передающий, посланец получаемого вследствие этого сведения, – знаковый медиатор в дистриктах *Несчастье*, *Пожар* (важно и то, и другое, и то, что знаковый медиатор, и то, в каких из возможных дистриктах). Равно как и указатель, посредством внешнего вида, того, что она *голубая*, на то, какой будет возможное темпорально-природное состояние (*ранняя весна*). В этой роли, будучи носителем распознаваемого признака (*ранняя голубая*), белка становится опосредующим указателем на что-то другое (*ранняя для весны*), выступая как независимый (от себя), индипендентный, индикатор по отношению к человеку как адресату.

Контактные и неконтактные взаимодействия (на примере волка)

Следующим после белки, в алфавитном порядке источника, будет волк, примеров с которым намного больше, в связи с чем обоснованным было бы их каким-то образом разделить. Первую группу составит то, что будет иметь свое отношение к встрече с ним. Стоит напомнить, что это касалось бы пребывания человека вне дома (параметр движение-путь), вне своего (обычно) пространства, в достаточной (как защитная) мере не освоенного и, нередко, не человеческого (лес, поле и что-то подобное).

Примеров встречи с волком, волками, можно выделить пять:

Волк

Встретить волка – к победе.

Перебежит дорогу – жди полного успеха в делах.

Всякую встречу с волком можно считать благополучной, встречу же волчьей свадьбы – в двойне.

При встрече с волками нужно поговорить с ними по-хорошему, и они не тронут человека, свернут с дороги; нужно обратиться к ним с приветствием: "Здравствуйте, молодцы, вы идите своей дорогой, а я пойду своей" или: "Ну иди, пустыня, своей дорогой!" (Данный пример, рассмотренный ранее, будет использоваться для решения других задач.)

Встреча с волком, когда тот несет свою добычу, неблагоприятна и опасна: волк оставляет добычу и набрасывается на встречного, кроме того, у последнего отнимается благополучие на время, пока тушат по убитому животному. (Об этом примере также уже говорилось.)

Первое, что можно заметить, что выразительно и не требует особого комментария, это то, встречу с волком и с волками получается подразделить, исходя из трех оснований: 1) ничем не грозящая и, с точки зрения ожидаемого будущего, благоприятная встреча (первые три примера); 2) встреча, в своем возможном последствии, зависящая от знающего поведения человека (четвертый пример); 3) встреча, результат которой видится нежелательным, поскольку грозит серьезной опасностью (последний, пятый, пример).

Как получается на основе примеров, различение вероятного следствия встречи с волком, волками, зависит от следующих, уточняющих характер ее, обстоятельств: а) существенно то, что встреча предполагает одного, не одного либо стаю волков (параметр единичности, сингулярности, *Sing* / множественности, плюральности, *Pl* / совокупности, или конъюнктивности, *Conj*), б) при стайности (параметр совокупности, *Conj*) важным видится представление о незанятости, неконцентрированности волков на себе, их собою неувлеченности, неозабоченности, либо, напротив, занятости, обращенности в своем состоянии и сопровождающих его действиях на себя, внутри своего состава, – встреча с волками в четвертом примере (*Conj*) и волчьей стаей в третьем (дополняющий первый параметр оккупативности, *ConjOccup*), с) при единичности, но также, возможно, не единичности, однако примеры этого не дают, существенно значимым, с точки зрения результата, как уже отмечалось ранее, видится признак отягощенности, *Obrut*, понимаемый в трех отношениях – как то, что волк, несущий добычу, ею, этой добычей нагружен, *Grav* (физический аспект проявляемого им состояния), как то, что, обладая добы-

чей, которую он несет, предполагает он, зная по опыту, угрозу, *Min*, со стороны человека (эмотивный аспект его состояния), как то, что эта угроза способна не столько иметь, сколько восприниматься им как конкурентность, *Confl*, со стороны того, кого он может встретить, неся добычу, и это не исключительно человек (психологический аспект отягощенно-заряженного волчьего состояния).

Следствием всего этого будет то, что передано в примере словами *Встреча с волком, когда тот несет свою добычу, неблагоприятна и опасна*. В этой 'опасности' (признак *Pericul*) и с этим рядом 'неблагоприятности' (*Iniqu*) следует видеть искомое следствие встречи, которой, как следует из примера, если случилась, не избежать. И это, также и в свою очередь, составляет характеризующий ее, как встречу, в составе контактов с нечеловеческим, признак отягощенности – *Cont(CongrObrut)*, с развитием при этом того, что содержит признак 'угрозы', – *Cont[CongrObrut<Min(PericulIniqu)]* в полном виде. Благоприятная, обращенная к просперативности, встреча трех первых примеров, *Cont(CongrProsper)*, которая, будучи амбивитивна, требует верного разрешения со стороны человека примера четвертого, *Cont(CongrAmbig>RectPersolS)*, делает ее, в отличие от двух других, предполагающей взаимодействующее (с волками) проявление, участвующую, активную, позицию *S*.

Вторую группу примеров с волком, волками, следует отнести к проекции не движения-пути, а местоположения человека:

Если волк пробежит мимо деревни или через нее перед солнечным закатом, то наступающая ночь благополучно пройдет для всех жителей.

Волки воют перед жильем – к войне.

Волк на деревне – к неурожаю.

Волк уйдет из данной местности, если обнести вокруг нее и воткнуть на шест голову убитой им собаки.

В четырех приведенных примерах обнаруживают себя, для местоположения, такие формы его, которые выражены словами *деревня*, *жилье* и *данная местность*. Первую можно представить как пространственный локус (не входя в детали определения и концентрируясь лишь на том, что находит свое отражение в примерах), предполагающий занимаемые им границы на плоскости, допускающие, при нахождении вне, перемещение, или трассирующее движение, передаваемое предлогом *мимо*. Иными словами, *около* и *вокруг* – не касаясь границ, минуя, не оказываясь внутри. Вторая особенность состоит в возможности не задерживающегося пересечения занимаемой плоскости данного локуса, передаваемого при посредстве предлога *через*. Существенным видится, для понимания смысла предсказываемого, и то, что *мимо*, и то, что *через*, предполагающие прочерчивающий, с точки зрения плоскостного пространства, след, без остающегося при этом внутри (*деревни*) присутствия. Третий пример (*Волк на деревне*) можно видеть как уточнение двумерной пространственной плоскостности через посредство предлога *на*. Волк не в деревне, а *на деревне*, как бы и не внутри, хотя и в пределах ее, как постороннее, не имеющее к ней отношение нечто, – сверху, точнее поверху, ей занимаемой поверхности.

Вторая форма – *жилье*, обнаруживает себя не в плоскостном, а в трехмерном пространственном проявлении, предполагая (поскольку *перед жильем*) вертикальную и обращенную к внешнему плоскость, позволяя в этом расположении что-либо производить (*Волки воют* в примере). Через посредство *перед* обращается это в осуществлении своем к тому, что находится за вертикальной плоскостью, или тому, что *внутри*. А поскольку *внутри*, то это значимо для находящихся там (*к войне* для примера).

Третья форма, *данная местность*, подобна по своему пространственному устройству первой, она также плоскостна и имеет очерченные границы, предполагающие возможность быть, находиться вне их, равно как и в пределах, и вместе с этим оказываться, передвигаться *мимо* и *около* или *через*, т.е. пересекать. Очерченность прямо и непосредственно передается

словами (*если*) *обнести вокруг нее*. Та же очерченность с наличием при ее посредстве границ, за которыми что-то другое (не *данная местность*), предполагает возможность вынесения за границы того, что субъектом воспринимается как для себя в *данной местности* нежелательное. Из этого следует то, что выражено словами *Волк уйдет из (данной местности)*.

С точки зрения выявляемых признаков (не выходя за рамки примеров), первая форма, *деревня*, определялась бы с помощью формулы $Loc(FinProstr)$ – ‘ограниченный, очерчиваемый границами, в своей плоскости локус’. То же касалось бы *данной местности*, с дополнительным уточнением, отличающим ее от *деревни* в отношении ‘распределенной в очерченных границах локализованности’ в виде $LocProstr(FinDistr)$. Вторая форма, *жилье*, хотя и имеет важные для представления о ней, ее ограничивающие и включающие в себя границы, фигурирует в примере другой своей стороной – тем, что имеет позицией *перед* и *за*, передаваясь по формуле $LocPerpend(PriorExtern:RetrIntern)$ – ‘вертикально устроенный локус, обращенный передней частью к внешнему и содержащий за нею то, что не внешнее и внутри’. Данное определение актуализируется к смыслу, следующему из того, что *Волки воют перед жильем*, и это *к войне*.

Третья группа примеров с волком (в ней он встречается в единичном виде – параметр *Sing*, имеющий, исходя из контекста, смысл, касающийся всего рода волков и обозначающий любого из его представителей), – третья группа примеров затрагивает позицию, обозначенную ранее как хозяйственное месторасположение, обращаясь к домашним животным, скотине:

У волка бывает хороший и дурной зуб; если волк с хорошим зубом съест скотину, то после того скот только здоровее будет и плодовитее; если же волк с дурным зубом съест скотину, то скот начнет болеть и может весь перевестись.

Если приближающийся к стаду волк держит пасть сомкнутой, то можно быть уверенным, что он никого не унесет из стада.

Чтобы отучить повадившегося в хлев волка, нужно вколотить перед лазейкой в землю осиновый кол и надеть на него колесо, из которого выпала спица.

Чтобы волк не заел в поле животных, на Великий четверг в воротах двора следует зарыть нож, через который прогоняют животных на поле.

Проявляет себя в примерах а) то, где находится скот и где его можно встретить, будь то поле, загон, какое-то помещение и т.п. (первый пример), б) то, где находится, пребывает скотина в стаде в какой-то определенный момент (пример второй), в) хлев (в третьем примере) и г) поле (в четвертом). Локусы хозяйственного месторасположения, следовательно, применительно к домашним, стадным, животным, могут быть открытые и незамкнутые, в границах не определяемые (пастбище, поле, луг); открытые замкнутые, в границах очерченные (загон для скота); закрытые замкнутые (загон под навесом, хлев, другое какое-то помещение, где находится скот).

Важным в данной связи было бы представление о том, влияет ли вид того места, где скот, на то, о чем говорится в примерах, поскольку ответ может предполагать и то, и другое. Первые два примера не акцентируют характера места, при том, что, если для положения с хорошим либо дурным зубом у волка, это и не существенно, и не проявлено, поскольку волк где угодно способен, похитив, скотину съесть, то в примере с его приближением к стаду очевидным, по видимому, необходимо считать положение с местом открытым незамкнутым (пастбище, поле, луг). В свою очередь, третий и четвертый примеры характер места предполагают, и называют, и четко очерчивают, определяясь к тому, что содержит пример и какой раскрывает смысл. Важно, что в первом случае это *хлев*, для отведения волка, *повадившегося* в него (локус закрытый и замкнутый), а во втором – *поле*, где волк скотину может заесть и которое соотносимо с *двором* с характерными для него *воротами*. Первый локус – открытый незамкнутый (хотя поле может иметь границы, они не определены и не проявлены для него), второй – открытый или закрытый (если двор имеет крышу-навес) и замкнутый, в границах своих обозначенный.

Хозяйственное месторасположение, тем самым, если иметь в виду необходимую защищенность от потенциального нарушения и вреда (в отношении скотины), способно быть как в пределах освоенного человеком пространства, прилегая к жилью (хлев, двор, загон для скота, строения хозяйственного предназначения), так и вне его (поле, пастбище, луг, поляна, лужайка, где скотина может временно пребывать и пастись).

Предполагает это еще один значимый для хозяйственного месторасположения параметр, помимо отмеченных закрытости или открытости, замкнутости или незамкнутости в различных их сочетаниях, который следует обозначить как близкий, находящийся рядом, аффинитивный, *Affin*, по отношению к человеку, его жилью, и отдаленный, неблизкий и дизъюнктивный, *Disjunct*. При помощи данных параметров *поле*, *пастбище*, *луг* (не учитывая специального их назначения, как еще одного дифференцирующего параметра, для одного, другого и третьего) можно представить в формульном виде *Disjunct(ApertUndefinit)Spat*, *двор* – как *Affin(ApertProtect)Spat/Loc*, а *хлев*, соответственно, *Affin(ClausProtect)Loc*. В каких-то случаях различия эти будут иметь значения, находящие свое отражение для смыслов поверий-примет.

Четвертая группа, находящая свое выражение в примерах с волком и предполагающая определение позиции хозяйственного месторасположения по отношению к человеку в связи со скотиной, представлена одним случаем, в котором речь идет о волчатах. И тогда это не только параметр совокупности, *Conj*, для волчат одного помета, либо множественности, *Pl* (вне подобного представления), с точки зрения волка, как агента возможного причинения вреда либо объекта каких-либо действий со стороны человека, но и еще один показатель – незрелости, *Juven*. Пример этот выглядит следующим образом:

Если волчатам уши прорезать, то они уйдут из этого леса, разбегутся.

Речь идет об избавлении, удалении взрослых в будущем волков с территории (*этого леса*), в которой они, пребывая и находясь, способны были бы наносить урон для домашней скотины. И тогда *лес* фигурирует как пространство нечеловеческого (еще одна позиция, помимо хозяйственного месторасположения, местоположения человека и движения-пути для него), которое предполагает воздействие, в отношении хозяйственной деятельности в том числе, имеющее потенциально заряженную способность причинения вреда. Воспринимать его следует как пространство, локус либо пространственный локус (что зависит от аспектуального поворота), заряженный небезопасностью, оборачивающийся потенциальным ущербом хозяйственному положению человека:

Spat/Loc/LocSpatDisposit(DisjunctUndefinit)Min(DominStatS)

И словами: 'пространство либо место, локус, пространственный локус, *Spat/Loc/LocSpat*, неблизкого, *Disjunct*, незащищенного, неогражденного, *Undefinit*, размещения, *Disposit*, представляющее угрозу, *Min*, хозяйственному положению субъекта, *DominStatS*.'

Понятийные области признаков и отношений

Определенные в представленных словесных и формульных характеристиках позиционные виды движения-пути, местоположения, хозяйственного месторасположения и пространства нечеловеческого, как уже отмечалось, будут влиять на те значения, которые получают свое выражение в примерах. Прежде чем данное положение раскрыть, обратим внимание на нашедшие свое отражение сферы. Из четырех возможных, полученных в результате произведенного в отношении материала анализа – узнавание, *agnitio*, *Agnit* (чего ожидать), знание, *experientia*, *Experient* (если имеется что-то, то, исходя из опыта, следует предполагать то-то и то-то), отведение нежелательного, *propulsio*, *Propuls*, приобретение желаемых свойств, *questus*, *Quest*, – примеры с волком (волками) отображают первые три, в таком своем представлении:

Узнавание предполагает 'победу', 'полный успех в делах', 'благополучие', то, что 'благополучие проявит себя вдвойне' (все это вследствие встречи с волком в единичном числе, *Contrag(Congr)Sing*, с волками в стае, *Contrag(Congr)Conj*, и с волчьей свадьбой, предполагающей, при конъюнктивности, занятость, обращенную на себя, *Contrag(Congr)ConjOccur*,

либо, что также возможно, в каком-то числе, *Contrag(Congr)Pl*; о том, что 'наступающая ночь благополучно пройдет для всех жителей данной деревни', при пробегании волка мимо либо через нее перед закатом (в соотношении времени, связанным с наступлением ночи, $T^1 > T^2$), *Ag(PercursColon > T^1 AnteOccas)Sing*, о 'войне', когда волки воют перед жильем, *Ag(EjulHabit)Conj*, и о 'неурожае', при появлении волка в деревне в единичном числе, *Ag(InventColon)Sing*.

Узнавание, тем самым, для волка проявляет себя в позиции экзистенциально-просперативного положения в аффективном дистрикте возможного достижения, предполагающего для субъекта способность что-либо важное в свою пользу осуществить, – в отношении 'победы', 'полного успеха в делах', 'благополучия', 'благополучия, проявляющегося вдвойне', в детриментивном дистрикте утраты, потери, неосуществления, – при 'неурожае'; в позиции экзистенциально-витального состояния в стабилизативном дистрикте, при сохранении предшествующего спокойного состояния в отношении наступающей ночи, которая 'благополучно пройдет для всех жителей данной деревни'; в деструктивном дистрикте, предполагающем поражающее разрушение имеющегося с обращением состояния покоя в противоположное – для того, что несет с собой и предполагает 'война'.

Продвигаясь далее в характеристике определяемой сферы (узнавания), с переходом к параметрам, обозначенным ранее как ожидаемые смены, или мотуативы, можно увидеть в их пятитактном составе такие, для волка, расположения:

- в отношении экзистенциально-просперативного положения для аффективов – 1) 'победа' (движение-переход *от* чего-то *>* *к* чему-то, от одного состояния к другому, с акцентом на этом втором), 2) 'благополучие' (возрастание того, что исходно имеется), 2а) 'благополучие, проявляющееся вдвойне' (усиленное возрастание имеющегося), 3) – (опускание, падение, утрата, провал, в отношении бывшего, прежнего), 4) – (вытеснение, выталкивание, выбрасывание, изымание, выведение за пределы), 5) 'полный успех в делах' (наступление, обрушивание, неожиданность изменения, – нечто надвигается, что обращает, переворачивает, имеющееся состояние, давит на него либо, напротив, толкает и продвигает вперед); для детриментивов – 3) 'неурожай' (опускание, падение, провал);

- в отношении экзистенциально-витального состояния для стабилизативов – 1) 'наступающая ночь благополучно пройдет для всех жителей данной деревни'; для деструктивов – 5) 'война'.

Обращаясь к еще одной сфере – знания, для примеров с повериями в отношении волка, можно увидеть такие в ней отражения: 'Как себя повести при встрече с волками, чтобы они не тронули (следует поговорить с ними по-хорошему)'; 'Встреча с волком, несущим добычу, опасна и тянет за собой неблагополучие'; 'У волка бывает хороший и плохой зуб, и это, как следствие, связано с состоянием домашней скотины (в зависимости от того, волк с каким зубом съест скотину)'; 'Если приближающийся к стаду волк держит пасть сомкнутой, то он никого не унесет из стада'.

Имеется также в примерах и третья сфера для волка – отведение нежелательного, предполагающая возможность предотвращения 'опасности встречи с волками' (для чего предлагается способ разойтись с ними по-хорошему на дороге), возможность отвести 'повадившегося в хлев волка', сделать так, 'чтобы волк не заел в поле животных', 'чтобы волчата ушли из леса', 'чтобы волк ушел из данной местности'.

Применительно к сфере знаний, опирающихся на имеющемся в данной традиции опыте, – *experientia*, *Experient* (если имеется некое *A*, то следует ожидать из этого *B*), для примеров с волком (примеры с другими животными данную сферу будут распространять), можно выделить аффинитативы (знание признаков, свойств явлений или предметностей) – 'у волка бывает хороший и плохой зуб, и это связывается с состоянием домашней скотины'; контактивы (знание в отношении контактов и встреч, как с человеческим, так и не с человеческим, звериным,

животным, потусторонним) – ‘как себя повести при встрече с волками, чтобы они не тронули’, ‘встреча с волком, несущим добычу, опасна и тянет неблагоприятие’; конверсивы (что и как меняется, какой может иметь изменяющийся, динамизируемый характер и вид) – ‘если приближающийся к стаду волк держит пасть сомкнутой, то он никого не унесет из стада’. Более полный образ данного фрагмента выводимой системы будет получен при рассмотрении примеров с другими животными существами в последующем.

Знания, в отношении волка, будут касаться:

1) Упомянутых ранее признаков, свойств, характеристик предметов, объектов, а также явлений, действий, позиций, позволяющих ориентироваться в окружении и в среде, с учетом возможных последствий, и это были бы концептуальные, по природе своей, ориентиры, к которым относится, в частности, то, что касается аффинитивов. В примерах с волком ориентиры себя проявляют как проективные (если что-то имеет такие-то свойства, то это способно найти свое отражение в чем-то другом), – ‘у волка бывает хороший и плохой зуб, и это, как следствие, связано с состоянием домашней скотины (в зависимости от того, волк с каким зубом съест скотину)’.

Другие возможные разновидности ориентиров в том же ряду отражения в примерах с волком не обнаружили, их определение будет предполагать анализ дальнейшего материала.

Помимо признаков, свойств, характеристик объектов предполагается также:

2) Знание обстоятельств (кондициональности) и их возможных последствий – если что-то происходит, то следует знать, что это такое и чем это может или не будет грозить, при наиболее вероятном условии, что обычно на это нельзя повлиять. Эта группа предполагает на следующем уровне:

2а) комминатные^{11*} обстоятельства (знание в отношении угрозы, опасности без возможного средства преодоления) – ‘встреча с волком, несущим добычу, опасна и тянет за собой неблагоприятие’;

2б) предестинатные обстоятельства (если что-то произойдет, если так сложатся обстоятельства, то из этого выйдут такие-то следствия) – ‘если приближающийся к стаду волк держит пасть сомкнутой, то он никого не унесет из стада’;

3) Знание средства (инструменты, инструментальности). В примерах с волком в этой группе себя обнаружили превентивные средства (предотвращающие возможные неприятные следствия): ‘при встрече с волками, чтобы они не тронули, следует поговорить с ними по-хорошему’.

В отношении третьей группы примеров с волками (волком), предполагающей отведение нежелательного, дальнейшее подразделение видится таким образом, что избежать, устранить, *Propuls*, можно то, что касается таких показателей, как *PropulsPericul(Vit/Valid)* – ‘опасности для жизни и здоровья, с предполагаемым нарушением физической целостности’ при встрече с волками (разойдись с ними на дороге); *PropulsExempt(Possess)* – ‘нарушения, утраты, потери того, чем обладают, в том числе с предотвращением этого’, – отвадив повадившегося в хлев волка, сделав так, чтобы волк не заел в поле животных, чтобы волчата ушли из леса, чтобы волк ушел из данной местности. Представленные параметры касаются витального, *Vit*, телесно-целостного, *Valid*, и possessивного, *Possess*, состояний либо положений человека как проекций для предполагаемых опасности, *Pericul*, и утраты, потери, *Exempt*.

В отношении примеров с волком следует говорить о распознаваемо-значимых (знаковых, сигнативных) проявлениях, находящих свое выражение в таких его действиях, как

- *перелезть дорогу* – движение-путь человека в пересечении спереди, – анте-интерсектив процессива субъекта, *AnteInterSect(ProcessS)*, что нашло также свое отражение раньше при

¹¹ * Лат. *commīnor*, *ātus sum*, *āri* ‘грозить, угрожать’.

белке, с тем отличием, что для волка это ведет к достижению 'полного успеха в делах' (процессивный анте-интерсектив экзистенциально-просперативного аффектива);

- *пробежать мимо деревни или через нее* – местоположение человека в его обращении (со стороны животного существа) возле, около, вдоль либо сквозь, – претер-/транскурсив объектного локатива, *Praeter/TransCurs(ObjLoc)*, в отношении темпорально определяемого транквилитативного стабилизатива, *TranquilStabil(Stat)ObjLocT*, ('наступающая ночь благополучно пройдет для всех жителей')^{12*};

- *съесть скотину с хорошим / плохим зубом*, касающееся хозяйственного месторасположения человека (там, где домашний скот, будь то поле, пастбище, хлев или пр., и где волк способен подобное действие осуществить), в отношении которого следует говорить о поражении, нанесении урона, детриментив локатива в объекте (домашнем животном), *Detriment(Loc>Obj)*, в зависимости от агентивного признака (хороший / плохой зуб у волка), *AgAttr(Bon/Mal)*, ведущего к здоровью и плодovitости, $[Detriment(Loc>Obj) < AgAttr(Bon)] > Obj(Loc)Val:Fertil$, либо болезням и падежу, $[Detriment(Loc>Obj) < AgAttr(Mal)] > Obj(Loc)Aegr:Demin$;

- *приблизиться к стаду с сомкнутой пастью*, также касающееся хозяйственного месторасположения человека в объекте, *Loc>Obj*, с учетом производимого волком действия, состоящего в приближении, *Ag(Access)*, которое сопровождается принимаемым им видом внешнего проявления замкнутости, не раскрытости в направлении к объекту возможного поражения, *Opert[Detriment(Loc<Obj)]*, что предполагает своим значением сохранное ненарушение представителей стада с его стороны: $Ag(Access) > Opert[Detriment(Loc<Obj)] > ReservObj(Loc)$ ^{13*};

- *выть перед жильем* – в своем проявлении касается местоположения человека, определяемого в данном случае как с внешней, так и с внутренней стороны, с внешней – для представления о *выть* (сонитивное проявление множественного агента, $Ag^{Pl}(Son)$) с расположением тех, кто воет, перед фасадом жилья, с внутренней – в отношении в нем находящихся с их определяемым данным проявлением волков (немаловажно здесь множественное число) положением *к войне*, ибо она затронет, также множественного, субъекта, из чего дополнительно возникает то, что *перед* (жильем) соотносится с тем, что *перед* (войной) для тех, кто внутри для своего же, волчьим вытьем означаемого, внешнего: $Ag^{Pl}(Son) > PraeLocS^{Pl} > DetrimentS^{Pl}(Destruct>LocS^{Pl}Exist)$ – прелокативный (плюрально-агентностный) сонитив деструктивно-экзистенциального субъект-локатива, что можно выразить в виде определения 'множественный агент проникающего звукового проявления в его направленности к множественно-субъектному витально-экзистенциальному локусу определяет таким своим проявлением состояние длительно-множественного локативно-экзистенциального деструктива';

- *быть, находиться, оказаться внутри (деревни)*, но как на поверхности (*волк на деревне* в примере), – местоположение множественного субъекта (живущих в деревне и находящихся там) предстает как пространство открытого и ограниченного, определяемое своими границами, которое соотносится, не только внутренне, с полем, полями, также пространством открытого и ограниченного, поскольку такое волчье положение *к неурожаю*: $AgAppar^{14**}(SpatLocS^{Pl})$

¹² * Ситуация выглядит таким образом, что производимое действие животного существа, в разбираемом случае волка, предопределяет либо обозначает то состояние, которое ожидает данный объект-локатив в отношении всех находящихся в нем. Пробежание волком возле (мимо) деревни или сквозь (через) нее отмечает собой, перед закатом, то, что состояние всех ее жителей будет стабильно спокойным после его наступления (ночью). И в этом смысл того, что обозначено было как распознаваемо-значимое, сигнативное, проявление определяемого животного существа.

¹³ * Определяющими параметрами данного положения были бы ненарушение, или сохранность, *Reserv*, связываемые с замкнутостью (пасти у волка), *Opert*, что позволяет характеризовать его (данное положение), с точки зрения ключевых показателей, как резервативно-опертивный объектный детриментив, снимающий, нейтрализующий, упраздняющий, потенциальное поражение для объекта, предполагающее нанесение урона, потери с причинением вреда для субъекта, *AmissS (amissio subjecti): ReservOpert(ObjLocS) > Refix(AmissS)*, – лат. *rēfīgo, fixi, fixum, ēre* 'снимать, срывать'; 'отменять, упразднять'.

¹⁴ ** Лат. *appāreo, pāruī, (pārītum), ēre* [ad + pareo] 'являться, показываться'; 'проявлять себя, быть'.

> $AmissDevast(SpatNutrS^{Pl})$ – ‘агент пребывания, $AgAppar$, в месте-пространстве множественного субъекта, $SpatLocS^{Pl}$, определяет потерю опустошения, $AmissDevast$, питающего пространства субъекта, $SpatNutrS^{Pl}$.

Семантические единицы системы

То, что описывается в своих формульных представлениях с объясняющей их характеристикой, следует воспринимать как концептуальные (и, соответственно, семантические) единицы исследуемого "языка" сознания, релевантного для поверий-примет, но не только, в отношении носителей данной этнокультурной традиции. Единицы эти, определяя сознание, действуют равным образом как в сторону воспроизводства в его вербальной проекции, так и в сторону восприятия, понимания и интерпретации сказанного, составляя в своей совокупности то, что необходимо определять как генеративно-перцептивную базу исследуемой формы сознания. Строятся и организуются данные единицы при помощи семантических признаков (выражаемых в формулах латинскими сокращенными обозначениями), которые, соединяясь и связываясь между собой, представляют как целостные, так и фрагментно оформленные объединения значимых форм. Важным при этом видится положение о том, что появляющиеся в повериях и приметах животные существа (поскольку о них идет речь в данной книге) следует воспринимать как наглядно-доступные формы, наделяемые соответствующими функциями (в своей целостности и полноте), которые, в приложении к их действиям и проявлениям, определяемым вербально в микротекстах примеров, имеют значения (проективные положения функций), и эти значения суть значения исследуемого и описываемого концептуального языка.

Вновь обращаясь к волку, помимо распознаваемо-значимых его проявлений по отношению к человеку, предполагающих то, что те или иные им производимые действия, занимаемые положения и др., обращаются знаком каких-либо человеческих состояний, ожидающих либо происходящих, – помимо этой позиции, следует говорить (для волка, на основе примеров) еще о трех. Первую обозначим как для него характерные признаки (свойства, атрибутивы) – (*у волка бывает*) *хороший и дурной зуб*. Вторая предполагает встречу-контакт с ним для человека, как случившееся положение либо состояние, о чем говорилось неоднократно: *встретить волка, всякую встречу с волком (можно считать благополучной), встречу же с волчьей свадьбой (вдвойне), при встрече с волками (нужно поговорить с ними по-хорошему), встреча с волком (когда тот несет свою добычу)*. Третья содержит в себе представление об отведении либо устранении (волка из своего хозяйственного месторасположения, с защитой от него либо выведением за пределы – *хлев, поле*, где пребывают, пасутся животные, для отведения и защиты, *этот лес, данная местность* – для устранения с выведением за пределы).

Хороший либо плохой зуб у волка, влияя на состояние домашней скотины (о чем уже говорилось), в отношении выражаемой им единицы, в ее обобщении и, тем самым, не только для волка следует определять как такое свойство, атрибутив, которое, при использовании его проявлении (*если волк съест скотину*) в приложении к тому, что касается человека (в отношении здоровья и плодовитости либо болезней и падежа), будет нечто важное для него означать в каком-то круге его витально-экзистенциального состояния или хозяйственной деятельности. Выразить это можно с помощью формулы $Ag(AttrAct) > Attr(StatObjS)$ – ‘акционально-агентностный атрибутив (агента-носителя признака производимого действия) имеет следствием для субъекта то или иное объектно определяемое состояние’. Из чего следует, что свойство агента действия переходит, передаваясь и соотносясь, на результируемые, получаемые свойства объекта данного действия, который (объект) начинает, тем самым, определять положение, состояние субъекта в отношении того же объекта.

То, что касается встречи-контакта с нечеловеческим, животным в разбираемых случаях, на примерах с волком в их обобщении, следует выводить как возможность а) того, что позитивно и благоприятно (просператив), б) того, что, при неспособности избежать, необходимо с помощью определенных средств предотвратить для контакта (направленный дисконтактив),

с) того, чего избежать не удастся и что содержит в себе для субъекта неблагоприятствование и опасность (дискрименатив). И, соответственно, в формульном выражении: $Contact(Alien/Extran) > (Prosper/AdversDiscontact/Discrimen)S$.

Отведение и устранение предполагают, способны предполагать, помимо проявленных локусов, как мест отведения-устранения (ремотива), использование средств и/или осуществление соответствующих действий^{15*}, – субъектно-агентные действия (человека) в отношении объекта имеют, тем самым, медиативно-инструментальный либо акционально-объектный характер: $S Ag(RemotObj) > MedInstrAct/Act(Obj)$.

О ролевых проявлениях в отношении человека

На основе выведенного в отношении волка и исходя из проанализированных примеров можно было бы говорить, применительно к ролевым проявлениям волка для человека, о двух ведущих проекциях. В первом случае волк выступает как знаковый медиатор, при посредстве которого взаимодействующий с ним субъект, адресат поверий-примет, узнает, по признакам его поведения либо каким-то особенностям его самого, о чем-либо важном, обычно в последующем, для себя. *Знаковым* он определяется потому, что та или иная форма его проявления служит сигналом, содержит значение, о котором речь. То, что его таковая роль характеризуется термином *медиатор*, связано с представлением о посредничестве. Трудно предписывать волку цель информирования субъекта о чем-либо, действует он ненамеренно, вызываясь и побуждаясь к данному своему действию какими-то сложившимися флюидными обстоятельствами или разлитыми, если не прямо направленными (направляемыми) силами, в отношении ожидаемого происходящего, точнее в его связи.

Посредническая роль его проявляется в том, что волк, равно как и другое в такой же роли животное и не только животное существо, опосредует, в том или ином своем проявлении, а) то, что произойдет (происходит, но человек об этом не знает, поскольку не видит этого), относясь в настоящем и будущем, возможно также и в прошлом, к состоянию и форме невидимого, б) то, что за этим стоит, какие-то движущие силы-пружины, влияющие на с) сложившиеся, оформляющие разлитое ощущение, обстоятельства, которые каким-то невидимым образом действуют на медиатора, подвигая его к наблюдаемому проявлению, и d) то, что имеется, существует и видится человеку в проявлениях медиатора в данный момент. Взаимодействуют шесть компонентов: скрытое и невидимое (L), то, что в нем себя проявляет и действует, приводя в какое-то, также невидимое, движение и вид (F), то, что невидимым, но ощущаемым (медиатором) образом себя объявляет во внешнем как обозначенные ранее флюидные обстоятельства, разлитое в окружении внешнего ощущение (C), связываясь с ожидаемо-реализуемой проекцией (или уже состоявшейся) в форме события, того или иного явления, положения, состояния в отношении субъекта (R), то, что себя объявляет во внешнем, наблюдаемом и видимом в медиаторе (M) для субъекта (S), способного это не только увидеть, но и распознать. Характер подобного взаимодействия, с опосредующей и связывающей ролью знакового медиатора M по отношению к человеку-субъекту S наглядно можно представить в виде следующей схемы:

R
(реализуемое)

L
(скрыто-невидимое)

¹⁵ * В примерах, как инструментальные средства и действия с ними: *вколотить перед лазейкой в землю осиновый кол и надеть на него колесо, из которого выпала спица; на Великий четверг в воротах двора зарыть нож, через который прогоняют животных на поле (для отведения – чтобы отучить повадившегося в хлев волка; чтобы волк не заел в поле животных); обнести вокруг данной местности и воткнуть на шест голову убитой волком собаки (для устранения – чтобы он ушел из нее); в качестве действий, направленных на объект: волчатам уши прорезать (они уйдут из этого леса, разбегутся).*

F
(силы невидимого)
C
(ощущаемые обстоятельства)
M
(знаковый медиатор)
S
(субъект)

Связь между *L* и *F*, что показано стрелкой в схеме, представляется двусторонней, – силы невидимого, присутствуя в нем, испытывают на себе происходящие в нем движения и изменения, одновременно каким-то образом формируя его и в нем себя проявляя. Связь эту можно видеть как коррелирующую. Связь между *F* и *C* видится как односторонняя и направленная: силы невидимого формируют и организуют ощущаемые медиатором обстоятельства – во внешнем разлитое ощущение предстоящего (для невидимого во вне времени состоявшегося), либо, что также возможно, уже происшедшего, но неизвестного человеку. Связь между *C* и *M* также видится как односторонняя и направленная: ощущаемые обстоятельства действуют на медиатора, который, в обратную сторону, не действует и не способен действовать на них, оказываясь в их облакающем окружении и подчиняясь в своих проявлениях им. Связь между *C* и *R* двусторонняя, но при этом не коррелятивная, имея не только неоднородный, но и неоднородный характер: ощущаемые обстоятельства внешнего не связаны прямо и непосредственно с тем, что реально произойдет, происходит, произошло, это некий тон положения внешнего, который, по принципу резонанса, не то чтобы способен в разных реальных позициях прозвучать, равно как и озвучивать их (если воспользоваться метафорическим представлением), сколько, поскольку тон, определяет себя как явление иного порядка. Сравнить это можно, для большей прозрачности, с ночью и ее темнотой, которая может быть разной и связанной с данной ночью, той либо какой-то иной, но при этом не составляет ни ее части, ни вида, ни формы, а с точки зрения природы, не человека, также и не определяет ее. Связь между *R* и *S* односторонняя: реально происходящее воздействует либо станет воздействовать на человека, который, со своей стороны, не может, в обычных условиях и не обладая необходимыми к этому способностями, воздействовать на него. Связь между *M* и *S* двусторонняя, но так же, как между *C* и *R*, не коррелятивная, поскольку неоднородная: медиатор воздействует своим проявлением знаковым образом на человека, который, воспринимая и видя сигнал с его стороны, может, способен какой-либо реактивный ответ от себя ему посылать. И тогда эта связь проявляет себя как сигнал и реакция.

Возможен еще один вид отражаемой связи, которую представляется смысл обозначить как дополнительную, не объявляемую и укрытую, обертоновую, если воспользоваться музыкальной, поскольку "звучащей" по-своему, метафорикой. В схеме она дается пунктирно. Реально происходящее, *R*, пусть и через ощущаемые обстоятельства, *C*, каким-то глухим, отдаленным, эховым, образом действует на медиатора *M*, и он, не зная, не понимая, воспринимает его такой сниженный звук. То же самое можно себе представить и в отношении отзвука не объявляемого действия, поскольку все, что находится в схеме, закономерным и не случайным образом связано между собой, – со стороны невидимого, *L*, и его сил(ы), *F*, на *R*, не исключено также, что и в обратном движении, предполагая, что некое происходящее не просто так себе происходит, но, побуждаясь в своем невидимом, побуждает также и в чем-то его, с его в нем действующими и для него характерными силами.

Еще одна ролевая проекция волка, помимо знакового медиатора, связывается с его как непосредственным, так и опосредованным действием на человека, для которого в этом случае волк выступает не как посредник, но как проявляющий от себя. Сводится эта функция к пред-

ставлению о том, чего можно и следует от него ожидать – поражения, утраты, потери, опасности, т.е. причинения вреда, либо, напротив, способствования преуспеванию и благополучию. В первом случае действует волк как малефактор, во втором – как бонефактор, с объединяющим представлением о том и другом в отношении волка как о каузирующем операторе (каузативно-оперативная функция), или оказывающем воздействие на объект каузативном оперативе.

В качестве первой упомянутой роли знакового медиатора волк себя проявляет в дис-триктах ‘победа’, ‘полный успех в делах’, ‘благополучие’, ‘благополучие вдвойне’, а также том, что в примере словами представлено в виде *наступающая ночь благополучно пройдет для всех жителей*. Характеризовалось бы все это, соответственно, для узнавания, *Agnit*, в группе экзистенциально-просперативные положения (позиции) в значениях того, что достигается, аффектива, для ‘победы’, ‘полного успеха в делах’, ‘благополучия’, ‘благополучия вдвойне’, и, в группе экзистенциально-витальные состояния, предполагающего сохранную неизменность предшествующего не угрожающего и спокойного состояния, или стабилизатива, для ‘наступающей ночи, которая благополучно пройдет для всех жителей данной деревни’.

Дальнейшее уточняющее различие выделенных значений определяет себя для дис-триктов с помощью дифференциации ожидаемых смен, или мотуативов, в аффективе:

1) трансгрессив (движения-перехода *от* чего-то *>* *к* чему-то, от одного состояния к другому, с получаемым акцентом на втором) для ‘победы’, которая определялась бы, как значение, в виде ‘трансгрессив аффектива экзистенциально-просперативного положения субъекта’ для узнавания, *Agnit*;

2) ампликатив (увеличения, возрастания имеющегося в состоянии и его определяющего признака) для ‘благополучия’ – ‘ампликатив аффектива экзистенциально-просперативного положения субъекта’ для узнавания, *Agnit*, и дуплекс-ампликатив, как еще одна его разновидность, для ‘благополучия вдвойне’ – ‘удвоенный ампликатив аффектива экзистенциально-просперативного положения субъекта’ для узнавания, *Agnit*;

5) эксплетив (переполняющего наступления, обрушивания, нападения, – нечто надвигается, что утяжеляет, обращает, переворачивает, имеющееся состояние, давит на него либо в своем результате толкает и продвигает вперед) для ‘полного успеха в делах’ – ‘эксплетив аффектива экзистенциально-просперативного положения субъекта’ для узнавания, *Agnit*.

В стабилизативе экзистенциально-витального состояния следует говорить о 1) транс-грессиве движения-перехода для ‘наступающей ночи, которая благополучно пройдет для всех жителей данной деревни’ (стабилизатив, помимо общего представления, создаваемого текстом примера, подчеркивается с помощью слов *для всех, жителей, данной деревни*) – ‘трансгрессив стабилизатива экзистенциально-витального состояния субъекта’ для узнавания, *Agnit*.

Во второй своей роли воздействующего на человека каузативного оператора, как мале-фактор и бонефактор, и это касается сферы знания, *Experient*, волк себя проявляет в группе выделенных ранее на примерах с белкой ориентиров, определяющих знание признаков, свойств, характеристик предметов, объектов, а также явлений, действий, позиций, позволяющих ориентироваться в окружении и в среде, с учетом возможных последствий. То, *что у волка бывает хороший и плохой зуб*, поскольку это, как следствие, связано с состоянием домашней скотины (в зависимости от того, волк с каким зубом съест ее), предполагает подгруппу ориен-тиров, которую можно назвать проективными, предполагающими отображение, перенос, пере-ход с одного на другое, со свойства зуба у волка на состояние скотины в примере. Дополни-тельно это была бы подгруппа статичных, или стабильных, ориентиров, не допускающих для человека возможности к изменению в ту или иную желаемую сторону. В отличие от модуля-тивных подгрупп, допускающих такую возможность.

Далее следует, применительно к волку, группа, определяющая знание средств (инстру-ментально-медиальная группа). То, в примере, ‘как себя повести при встрече с волками, чтобы

они не тронули», для чего следует «поговорить с ними по-хорошему», может быть охарактеризовано как превентивные средства – предотвращающие возможные неприятные следствия. Подгруппа имеет модулятивный характер.

И еще одна группа при волке, предполагающая знание обстоятельств (кондициональности) и их возможных последствий, – если что-то происходит, то что это, чем это может или не будет грозить, и на что нельзя повлиять (статичная группа в своем составе). В примерах данная группа себя проявила в подгруппах комминатные обстоятельства – происходящее, встреченное определяет себя как «угроза, опасность», без средства возможного преодоления ее – «встреча с волком несущим добычу опасна и тянет за собой неблагополучие», и предестинатные обстоятельства – что, если что-то произойдет, так сложатся обстоятельства, то из этого будут такие-то следствия, – «если приближающийся к стаду волк держит пасть сомкнутой, то он никого не унесет из стада».

Из всего сказанного складывается определенный образ у волка, себя отражающий, концептуально и семантически, в понятийно-предметной области поверий-примет. Образ этот не то чтобы был типичен для народной традиции в целом, скорее, он входит определенной частью в нее, в чем-то общем с ней согласуясь, а в чем-то своем, специфическом, характерном для изучаемого материала, с ней не совпадая. Описание, а точнее характеристика, данного образа предполагает как то, что содержит в себе левая часть поверия или приметы, т.е. производимое, наблюдаемое проявление волка, другого животного существа, так и то, что, определяя себя в правой части, связывается с объяснением данного проявления. Для большей прозрачности представим то и другое в сопоставлении с ранее рассмотренной белкой, выведя образ обоих животных существ, увидев на этой основе различия и подобия.

Первое, что можно отметить, это то, что оба они – встречаемые на пути-дороге животные существа, белка при этом определяется как сопровождающее, волк – как появляющееся, становящееся на пути, – встречаемость сопровождения и останавливания (конгрессия комитатива и ресистива). Встреча с белкой имеет характер предупреждающий, нунциативный (о несчастье), с волком – способствующий, секундативный (победа, благополучие, успех в делах). Общим для белки и волка будет также свойство, связываемое с вторгающимся посещением месторасположения человека, появлением в нем, отмечающим ожидаемые беды – пожар, в отношении белки, войну или неурожай, для волка, что можно представить как отмечающее потерю вхождение, демиссивный интроитив. Понимать это следует в том отношении, что ожидаемое в будущем состояние неблагополучия, будь то пожар, война, неурожай, другие несчастья, в настоящем себя объявляет как не ощущаемое людьми понижение, опускание, проваливание (пользуясь физическими определениями данного представления) – демиссия, демиссив, которое втягивает, вовлекает в себя входящее (интроитив) в него по этой причине, в локус его проявления (местоположение человека), животное существо.

На этом, если исходить из материала источника, соотношение сходств и различий между волком и белкой заканчиваются. Белка в этом ключе должна быть представлена как такое животное существо, которое, на дороге встречаясь, предупреждает (о несчастье), а появляясь в местоположении человека, таким своим появлением предупреждает, и опять это будет несчастье, поскольку пожар. Образ белки, подходя к обобщению, сводится к представлению о демиссивном знаковом медиаторе в отношении субъекта (как единичного, так и множественного), применительно к тому, что с ним происходит или произойдет.

Волк, в свою очередь, выступает как провективный^{16*} знаковый медиатор, однако этим образ его не исчерпывается, предполагая возможность более полного отображения.

Провективный характер медиации волка имеет обратную сторону. Исходя из примеров источника, его следует опасаться и избегать, как способного своим проявлением, диктуемым

¹⁶ * Лат. *prōvēho, vexi, vectum, ěre* «подвигать, вести дальше»; «выдвигать»; «увлекать».

его хищной природой, причинять потерю, урон, будь то в физическом либо в хозяйственном отношении. Действует он в этом случае, что было отмечено, как каузирующий оператор. Однако это внешний и видимый, переживаемый, план витально-хозяйственного бытия человека, за которым должно, ощущаясь, стоять и другое.

Имеется некое положение, в котором, не отдавая себе в этом обычно отчета, находится человек, проживающий в своем его окружающем и им создаваемом мире. Предполагает это как плоскость сокрытого движущегося, исходно заложенного и разворачиваемого, способного к изменениям, так и плоскость открытого, также движущегося и изменяемого, представляясь как жизнь человека, людей. И имеется положение, которое за всем этим стоит и его в себе заключает, как некий не определяемый далее универс, что, впрочем, не будет его означением. Эта объемлющая и в себя все включающая универсальная емкость вечна, недвижно-подвижна и необъяснима. Не будем входить в философствующие и мировоззренческие определения сказанному, поскольку это не наша задача и не в них состоит представление того, о чем речь. Применительно к волку, в его посредничестве, равно как и другому животному существу для поверий-примет, та медиация, о которой перед тем говорилось, касалась бы двух положений – того, что второе, всеобщего универса, и того, что первое, обозначенного как сокрытое движущееся, которое, далее, действует, проявляет, воздействует и отображает себя в том, что открытое – движущееся и жизнь человека во всех для нее характерных особенностях, состояниях, положениях и сторонах.

Исходя из подобного представления ту опасность, которую волк содержит в себе в отношении человека в роли каузативного оператора, следует понимать как еще одну медиацию, для которой каузативная оперативность его будет собой представлять отражение на поверхностном, переживаемом плане. Материал поверий-примет, в понятийно-предметном и концептуальном аспекте своем, за которым стоит особого рода мировоззренческая устроенность, предполагающая определенный, хотя и не осознаваемый, как правило, взгляд на мир с характерным для этого взгляда к нему отношением, – понимаемый подобным образом материал поверий-примет позволяет так это интерпретировать и понимать. То, что при встрече с волками к ним можно обратиться с приветствием, и они не тронут, уйдут с дороги, то, что волк, оставляя добычу, набрасывается на человека, вследствие чего у того отнимается благополучие на время, пока тужат по убитому животному, равно как и то, что при посредстве каких-то действий и средств можно воздействовать на волка как хищника таким образом, что он уйдет, не придет, – все это, а также другое подобное можно объяснять в том ключе, что воздействие со стороны человека тем самым оказывается на положение, которое, будучи обозначено как сокрытое, невидимо-движущееся и изменяемое, подвергается им желаемому изменению, в направлении к волку и в его сторону. Волк-медиатор испытывает на себе воздействие этого изменяющегося и измененного человеком, с помощью примененных им средств, положения сокрытого, отчего и уходит с дороги, не трогает скотины в хлеву, покидает данную местность и пр. Медиация, следовательно, потому она и медиация, имеет две стороны и действует в обе стороны, на человека от волка и к волку от человека. Человек имеет способность воздействовать на медиатора, в том случае, что необходимо добавить, если тот проявляет себя как каузатив-оператор, а не как несущий значение знак.

Исходя из сказанного и обобщая, включая в целостное медиативное представление о волке позицию ранее выведенного провектива и отвлекаясь от знаковости (знаковость либо каузативная оперативность – две разных проекции медиации), – исходя из этого можно было бы говорить о качающемся, синусоидальном, движущемся вверх и вниз, медиативе, с наступлением и отступлением, как того, что благо, так и того, что не является таковым, как появлением волка, приходом его, так и уходом, исчезновением, не появлением и не приходом. Метафорически, но не только метафорически это можно уподобить наступающим приливам и отступающим, отходящим отливам. Было бы это то, что составляло в своем обобщении опреде-

ляемый по повериям и приметам концептуальный и семантический образ волка, в его ингрессив-дефлексивной и колебательной, флуктуирующей, медиации. В отличие от медиации белки, которая определилась как демиссивная.

Системное описание в параметрах 'отношения к человеку'

Два следующих, в алфавитном порядке источника, животные существа, представлены каждый только одним примером. Охарактеризуем поэтому их, с опорой на ранее выведенное, без особых подробностей:

Еж

Увидеть бегущего ежа – к несчастью.

Жаба

Жаба поселилась в саду – к добру.

Если сравнивать, отвлекаясь от того, чем является для сознания и восприятия еж или жаба⁶, внимание следует обратить на два различающих их обстоятельства. Первое связано с тем, что выражено словами *бегущего* и *поселилась*. Из чего следует для ежа то, что в себе содержит *увидеть*, которое предполагает нечто движущееся, появляющееся и исчезающее в определенный, временем коротко ограниченный, период. В то время как в отношении жабы передается не столько произведенное ранее действие, сколько его результат, понимаемый в своем таком следствии как ее настоящее положение, – поселившись в определенном месте, жаба пребывает и находится там.

Второе отличие, с первым связанное и следующее из него (что, впрочем, можно понимать и в обратную сторону), предполагает для человека встречу и его продвижение, если не прямо дорогу и путь, поскольку, чтобы увидеть бегущим ежа, необходимо находиться вне дома, возможно также, в каком-нибудь не освоенном и не застроенном месте, хотя это и не непременно. Важно то, что в каком-либо перемещении и вне дома. В свою очередь, положение жабы, предполагая исходно статичность и неучастие каким-либо производимым действием в ее таком отмечаемом положении со стороны человека, связывается с тем, что было ранее определено для него как его местоположение, – положение жабы накладывается, сочетается с положением человека, в какой-то, "садовой", части также и совпадая с ним.

Из чего далее следует, в отношении жабы, что такое ее положение отмечает, определением *к добру*, ожидаемое в скором будущем состояние, распространяемое на положение человека и в нем, тем самым, себя проявляющее. Однако, если придерживаться общего представления о роли животных существ в повериях и приметах, не жаба вносит своим появлением и поселением в местоположении человека то, из чего будет следовать состояние *к добру*, а само это ожидаемое состояние привлекает жабу, и она своим размещением в нем его отмечает. То же будет касаться ежа. Не он приносит несчастье, отмечая его положением *к несчастью*, он его обозначает. То и другое следует определять, с ролевой точки зрения применительно к человеку, как знаковую медиацию для жабы и для ежа в отношении ранее выделенных распознаваемо-значимых (знаковых, сигнализирующих) проявлений животных существ.

То, что производится как действие для ежа в виде бега, и произвелось как следствие из предварительно совершенного действия, став положением, для жабы (чтобы поселиться в саду, жаба должна была в нем появиться, в него прийти), связывается, как означающее (signifiant), моделирующим, "грамматическим", видом своим с означаемым (signifié). *Несчастье*, скорее всего в виде события, переходящего в более или менее длительное состояние, как следствие из него, произойдет, а в настоящем и видимом, наблюдаемом, времени, обнаруживает себя в виде начавшегося к нему продвижения, передаваясь словами *к несчастью*. Отсюда континуальность в *Увидеть бегущего (ежа)*. В свою очередь, то, что *добро* не событие, оно не произойдет, а придет и наступит, как следствие и результат того начавшего себя развивать положения, которое выражено словами *к добру*. И отсюда перфектность для представления *поселилась*. Не случайным, хотя и не так, чтобы непосредственно и направленно связанным видится также то,

что *в саду* – как месте, предполагающем то, что в нем нечто *сажается*, то, что *садят*, в не изменяемой статике постоянного расположения (того, что сажают) и *сидения*. *Поселилась* как угнездилась, прочно и основательно. И это, имея в виду перфектность, также себя соотносит с *добром* в его достигнутом прочном обосновании.

Сферу, в которой себя проявляют отмеченные в примерах положения *к несчастью*, *к добру*, следует интерпретировать как узнавание, *Agnit*. Субъект узнает из того, что увидит *бегущего ежа*, и того, что *Жаба поселилась в саду*, о том, чего следует ожидать. Первое определяет себя в группе экзистенциально-витальные состояния, в дистрикте падения, подавления (депрессивов). Второе – в группе экзистенциально-просперативные положения (позиции) в дистрикте того, что сложилось, выпало, – акцессивов. Из чего будет следовать, при обобщении, что, исходя из приведенных примеров, в предметном мире поверий-примет *еж*, в одной из функций своих, выступает в роли 'знакового медиатора экзистенциально-витального состояния депрессива' (что можно понимать также как одно из его значений для исследуемой системы), а *жаба* – 'знакового медиатора экзистенциально-просперативного положения мелиоративного (в отличие от пейоративного) акцессива'.

Дальнейшее подразделение, представляющееся как уточнение выведенных значений и как подзначения, с точки зрения уровневого расположения в отношении вводимых параметров описания, предполагает определение того, чем является положение *к несчастью*, а с этим также *несчастье*, либо *к добру* и *добро*, в отношении состояния депрессива и положения акцессива. Относится данное уточнение к тому, что было названо для узнавания, *Agnit*, термином ожидаемые (человека-субъекта) смены, мотуативы, и касалось бы как депрессивов, так и акцессивов, характерных для сферы *Agnit*. В этой части системы (напомним то, о чем говорилось ранее, однако не в полном виде), исходя из анализа всего материала животных поверий-примет, следует говорить о пяти параметральных проекциях: 1) трансгрессиве движения-перехода *от* чего-то *>* *к* чему-то, от одного состояния к другому, с получаемым акцентом на втором; 2) ампликативе увеличения, возрастания того, что имеется в состоянии, с увеличением определяющего данное состояние признака; 3) ремиссиве опускания, падения, утраты, провала, бывшего, прежнего (положения, состояния); 4) экстурбативе вытеснения, выталкивания, выбрасывания, изымания, выведения за пределы данного положения; 5) эксплетиве переполняющего наступления, обрушивания, нападения – нечто надвигается, что утяжеляет, обращает, переворачивает, имеющееся состояние, давит на него либо толкает и продвигает вперед.

Исходя из этого, *к несчастью*, связанное с бегущим ежом, следует определять как трансгрессив (1) экзистенциально-витального состояния в дистрикте падения, подавления, депрессива. Иными словами, *к несчастью* есть состоянием, которое, начинаясь, предполагает движение-переход, трансгрессию, от того, что имеется в проживаемом 'сейчас', к тому, что наступит, придя на смену, и это важно для восприятия (акцент на этом втором), а то, что наступит, проявит себя как состояние подавления и падения, депрессива. То, что *к добру*, отмечаемое поселившейся жабой в саду, также следует определять как трансгрессив (1), но экзистенциально-просперативного положения в дистрикте мелиоративного акцессива, поскольку себя объявляет как положение (приходится для точности повторить), за которым, наступит, придет, положение для субъекта достигаемого, выпавшего, сложившегося (акцессив) улучшения, благополучия, благосостояния и добра, мелиоратива.

То, что касается зайца, следующего животного существа в алфавитно идущем порядке источника, выглядит, по сравнению с ежом и жабой, более обстоятельно. По этой причине представим эти примеры, поделив их на группы. Первую из них составят такие, которые связаны с встречаей, предполагающей выделенное ранее движение-путь человека, и в этих случаях заяц обнаруживает едва ли не полное совпадение с белкой:

Заяц

Встреча на дороге, в пути

Если прыгает перед путником на дороге, то это означает, что в доме, откуда тот вышел, произошло несчастье и лучше всего было бы вернуться назад.

Перебежит дорогу – к худу; чтобы отворотить несчастье, надобно переломить прутик надвое и обе половинки бросить на стороны.

И для белки, с тем чтобы сравнить, ранее уже рассмотренные: *Прыгает на дороге перед путником – значит, в доме, откуда он вышел, случилось несчастье, поэтому лучше всего вернуться назад. Перебежит дорогу – к несчастью.* Единственное видимое отличие, которое можно объяснять не столько сложившимся представлением, сколько неполнотой передачи, впрочем, это не наш вопрос, – заключается в том, что при зайце дается имеющаяся возможность избежать ожидаемого, что существенным образом расширяет характер реализуемого при встрече взаимодействия.

Вербальное различие *к худу* при зайце и *к несчастью* при белке не то чтобы малозначительно, но отчасти снимается тем, что далее в примере с зайцем то же самое передается словами *чтобы отворотить несчастье*, т.е. то *худо*, о котором речь, определит себя как 'несчастье'. Вместе с тем то и другое не вполне то же самое. Если заметить, что в предыдущем примере, как с зайцем, так и с белкой, говорится *произошло* и *случилось несчастье*, при которых несчастье следует понимать как событие, то положение *к худу* и *худо*, как *к недобру*, *недобро*, скорее всего будет связываться не столько с событием или событиями, сколько с общим падением, понижением состояния, а если с событием или событиями, то в проекции к тому, что из них последует и что будут они вызывать. Вместе с тем, исходя из примеров, таким различием можно и пренебречь, понимая при этом сказанное при зайце (*к худу* и *чтобы отворотить несчастье*) как то, что связывается не столько с событием, которое можно назвать *несчастьем*, сколько (также с учетом производимого действия – *переломить прутик надвое и обе половинки бросить на стороны*) с тем надвигающимся в ожидаемом происходящем положении, которое будет дальнейшее состояние ухудшения порождать.

Тот способ с переломлением прутика надвое и бросанием на стороны его половинок, который предложен в примере, следует понимать как разделение, расчленение надвигающегося "несчастливого" состояния. Физически это можно представить следующим образом: а) заяц перебежит дорогу, обозначая пересечением (обозначая и отмечая, не создавая, поскольку не в том его роль, 'худо несчастья' он не привносит) пересечение (важным видится повторить) пути-дороги имеющегося у субъекта на данный момент, если не благополучия, то и не худа-несчастья, – дорога-движение в этом случае есть, но не метафорическая, а проявляющая себя форма движения бытийного состояния в отношении его совершающего субъекта; б) отмеченное пересечение дороги положение 'к худу' в прерывании прежнего более или менее благополучного либо нейтрального состояния идущего человека начинает себя проявлять появлением нового после прерванного движения положения, которое (будучи 'к худу') ведет к событиям состояния несчастья; в) начинает оно себя обнаруживать и объявлять в невидимо возникающем токе, движении, которое, как получается, г) можно 'переломить' с помощью прутика надвое, если сделать это, как следует из примера, в данный момент и, видимо, до того места, где заяц перебежал дорогу и где поле такого движения будет в начале и, очевидно, не так сильно, и при этом, что также важно, разделенные переломлением половинки бросить на стороны, физически их одну от другой отделив пространством дороги.

Поскольку все остальное нашедшее свое отражение в обоих примерах с зайцем в отношении характера его сопровождения на пути, то, что *прыгает перед путником на дороге* или *дорогу перебежит*, а также то, что *в доме, откуда тот вышел, произошло несчастье и лучше всего вернуться назад*, – поскольку все это получило свое определение ранее при белке, данную сторону аналогичного материала опустим.

Стоит коснуться роли зайца, которая также оказывается совпадающей в этом параметре проявления с белкой, определяясь как знаковая медиация в дистриктах 'несчастье' и 'к худу'

для сферы узнавания, *Agnit*, в группе экзистенциально-витальные состояния, в значениях (1) трансгрессив депрессива ('к худу'), предполагающего движение-переход от одного состояния к другому, с достигаемым положением второго, и (3) ремиссив депрессива ('несчастье'), с падением, утратой прежнего состояния, дополняя, с учетом возможности понимания несчастья как надвигающегося события, происшествия, значением (5) эксплетив-депрессива, с наступлением, обрушиванием, нападением того, что надвигаясь, утяжеляет, обращает имеющееся состояние, давит и угнетает его. Следует иметь при этом в виду, что нечто имеющееся у субъекта и для субъекта в данный им проживаемый момент проявляет признаки, начинает их проявлять, в отношении того, для примеров, что выражает себя в (1), (3) и (5).

Касаясь вопроса о знаково-медиаторной роли зайца и видя ее совпадение с той же ролью у белки, стоит усматривать в этом две стороны. С чем может быть связано данное совпадение, почему заяц и белка действуют, как в ролевом, так и в контактно-акциональном своем проявлении, при встрече на дороге-пути с человеком, фактически идентично? И это было бы первым. Второе сводилось бы к более полному представлению – как возможной знаково-медиаторной роли для зайца на основе других с ним примеров, равно как и роли у белки, на примере с ее ранним цветом (голубая) к ранней весне, так и примеров, в которых заяц будет себя проявлять иным каким-либо образом. Сводилось бы все это в своей совокупности к образам зайца и белки в предметном мире поверий-примет (как это было получено на примере образа волка), которые только в какой-то части и по какой-то причине могут, по видимости своей, совпадать, а включаясь в общее представление, получают иной интерпретативный характер и вид.

Появление в местах проживания человека

Однако вернемся к примерам. Следующую их группу с зайцем составят те, которые связываются с местоположением человека. Примеров таких получилось в источнике два, при этом первый из них уже был рассмотрен и по этой причине будет определяться в ином отношении, а второй и на этот раз обнаруживает едва ли не полное сходство с тем, что имело место при белке:

Если заяц пробегает через селение из одного конца в другой и при этом остается незамеченным собаками, то это предвещает пожар.

Если в течение трех дней, следовавших за пожаром, в деревню забежит заяц, причем не через огород, а по дороге, то до истечения трех лет в этой деревне будет новый пожар.

Напомним при белке: *Если в следующие за пожаром три дня в деревню по дороге забежит белка, то в течение последующих трех лет в этой деревне непременно случится еще один пожар.* Видимое отличие, опуская малосущественные, поскольку чисто лексические, оформления *до истечения* и *в течение последующих (трех лет)*, с усилением *непременно случится еще один* и *без такового будет новый (пожар)*, – видимое отличие можно усматривать в том, что при зайце содержится уточнение (*в деревню забежит заяц*), причем *не через огород (а по дороге)*. При белке подобного уточнения нет. Связывать это следует в первую очередь с тем, что белка обычно не бежит в огороде, что-то такое не свойственно ей, а кроме того, и об этом дальнейший пример, то, что заяц, пробегающий деревней по улице, забежит в огород, будет свидетельствовать о чем-то совершенно ином.

Из чего получается, что как для зайца, так и для белки, с учетом предсказываемого ими обоими представления о пожаре, случившемся до их появления в деревне до трех дней от него, равно как и *в течение* или *до истечения трех лет* после, существенно важным становится забегание *по дороге*. Отмечает это движение то, что *по* той самой *дороге*, и тем самым извне, от какой-то своей стороны, не внутренне, не в самой данной деревне, не возникая, а появляясь, не сам пожар, но то, что, как разрушающее действие, вызывает его, придет, объявит, проявит себя в течение следующих трех лет, не минуя трех дней перед бывшим. Важными видятся для того, о чем речь, также эти три дня.

Представить это можно следующим образом. Нечто вызвавшее в данной деревне пожар не исчезло в ней, тлится и не остыло (пользуясь не исключительно метафорическим объяс-

нением). Это нечто, с одной своей стороны, создает определенное поле вокруг себя, которое действует, продолжает действовать в данной деревне, в течение все тех же трех дней, а с другой, пришедши, будучи вызвано как разрушающая огненная деструкция, извне, с этим где-то и вне имеет, продолжает иметь (в течение тех же трех дней) свою скрытую, но ощущаемую и воплощаемую белкой и зайцем, связь, нитью, в виде невидимой нити, если точнее, реализующую себя в дороге и по дороге, поскольку по ней оно в эту деревню пришло, оставив, опять же невидимый, след.

Остается идея времени, уходящая в представление о времени в мире невидимого и как числе: три дня и три года, и, соответственно, три года, прошедшие, проходящие как три дня, – три как число этапов формирования и созидания⁷ и представление о годе в этом мире как дне на том свете⁸. Из чего будет следовать, что пожар, а точнее то, что в этом мире предстает как пожар, есть явление не от мира сего, в этом мире в виде пожара лишь себя объявляющее. Медиативная роль зайца и белки, о чем, впрочем, уже говорилось, заключается в связи, несении того, что они содержат в себе и несут, между этим миром и тем (для пожара и того, что его вызывает), миром, в котором живет и находится человек, и миром, в котором находится и из которого следует и приходит то, что с ним происходит и/или его ожидает. Знаковость той же их роли, в соединении с медиативностью, недоступной для тех из людей, которые не наделены способностью к этому, знаковость их состоит в обращенности не от них к человеку-субъекту и, соответственно, адресату, а к ним человека-субъекта, который есть адресатом поверия, его текста, если точнее, а не того, что им наблюдается и происходит в осуществляемых действиях и проявлениях, будь то зайца, белки, кого-то еще.

Как нетрудно заметить, примеры с пожаром при зайце относятся к сфере, определенной как узнавание, *Agnit*, в группе экзистенциально-витальных состояний в дистрикте разрушения (деструктивов) для (3) ремиссива, характеризуемого в отношении ожидаемой смены (мотуатива) как опускания, падения, утраты бывшего и прежнего, с возможным при этом и важным для ремиссива положением о невозвращении к этому бывшему-прежнему. Заяц в подобном аспекте своем применительно к человеку выступает в роли знакового медиатора ремиссива (опуская подводящие к этому опосредования), и это было бы тем значением, которое характеризует как составная часть его целостный образ в предметном мире поверий-примет.

Еще один связанный с местоположением человека-субъекта пример при зайце предполагает (о чем уже упоминалось) совершенно иной поворот, обусловленный не деструкцией, а чем-то прямо противоположным:

Если же заяц появится в селении, пробежит только улицу и скроется в огороде, то хозяева последнего могут рассчитывать на какое-либо благополучие.

Значимыми видятся наблюдаемые перечисляемые действия в их последовательности и проекциях к месту: *появится > в селении, пробежит > только улицу* (с ограничительностью при помощи *только*), *скроется > в огороде*. С одной стороны, определяют себя через действия, выраженные глаголами, ‘возникновение’, ‘вдруг’, ‘откуда-то’, ‘выросши словно из-под земли’, далее ‘действие в его устремлении’ и затем такое же, как возникновение, ‘исчезновение’, поскольку *скроется* (с глаз). Выскочил – пробежал – и исчез. С другой стороны, сопровождается все это троекратно определяемым локально воспринимаемым сужением: сначала *селение*, затем *только улица* – нигде в другом месте, поскольку *только*, и при этом одна, и в конце – *в огороде*. Отвлекаясь на время от того, чем могут быть *селение*, а также *улица* и *огород*, выступая в подобном контексте, как связываемые и взаимодействующие проекции местоположения человека-субъекта с включающим положением первого по отношению к двум другим, внимание следует обратить, с учетом того, о чем идет речь в правой части примера, на соотношение общего для *селения*, поскольку для всех находящихся и проживающих в нем, хабитативного, обжитого и занимаемого положения, общего узитативного и партитивного – в *улице*,

узитативного для перемещающихся и живущих на ней, партитивного – в отношении селения, и личного, possessивного – для *огорода*, который одновременно с этим будет иметь не конститутивную (при *селении*), не траективно-диспозитивную (в отношении *улицы*), а обеспечивающую, нутритивно-сустентивную^{17*}, функцию.

Из этой последней следует то, что себя проявляет при зайце. Благополучие, о котором речь, имеет свое отношение к огороду, если воспринимать огород не только как место с растущими на нем овощами, первоначально также и фруктами, но и как то, что обычно при доме и огорожено от постороннего и другого, а тем самым, защищено⁹. Вместе с тем благополучие это не то чтобы временно и непрочное, но не представляет собой состояния более или менее длительного, будучи связано, поскольку *какое-либо*, с чем-то определенным. Благополучие это появится в отношении чего-либо и по какому-то поводу, а не став постоянным, утратит через какое-то время свою актуальность. Из чего получается, что это нечто поднимающее общий домашне-семейный тонус, доставляющее удовольствие, располагающее, улучшающее настроение, придающее всем проживающим в доме ощущение уверенности. Связывается подобное представление не с огородом, поскольку роль его в этом другая, а с зайцем, который выскочил, появившись в селении, одну только улицу пробежал и тут же скрылся где-то там в огороде. Не мимолетность это, как можно подумать, представив все это, а мелькание, просквозившая с зайцем стремительность на короткое время увиденного, перед тем как пропасть.

Характеризует это *благополучие*, которое фигурирует как *какое-либо*, и на которое, что также небезосновательно, *хозяева могут рассчитывать, могут*, равно как и *рассчитывать*, полной уверенности не придает, так как-то сложились их обстоятельства (привлекшие зайца), что ожидающее их *какое-то благополучие* становится более, а не менее, вероятным.

Определяя охарактеризованное ожидаемое 'какое-либо благополучие' как ситуативное положение (не состояние) и относя его к экзистенциально-просперативной группе в сфере, с точки зрения привносимого зайцем как знаковым медиатором, узнавания, *Agnit*, видеть его следует как амплификатив аффектива – увеличения, возрастания имеющегося в его определяющем признаке в отношении достигаемого, что можно было бы дополнительно уточнить, имея в виду подвижность, не полную твердость 'какого-либо благополучия' в сопровождении *могут рассчитывать*, как его версатив^{18*}. И тогда заяц в такой его роли и в данном примере при огороде будет себя проявлять как знаковый медиатор ампликатив-версативного аффектива.

Появление в хозяйственных строениях

Очередная группа примеров будет касаться хозяйственного месторасположения человека. Подобных примеров в материале источника получилось три:

Если заяц забегают в людские холодные строения, то нужно ожидать голода.

Если заяц забежит в какое-нибудь людское строение и прокричит там, то хозяева должны ожидать мертвеца.

Если осенью зайцы залегают вблизи строений и в глубине леса, то следует ожидать слишком холодной и снежной зимы, если же они делают то же зимой и при этом зарываются в сугробы, то наступившая стужа обещает продержаться очень долго.

Сопоставляя представленные примеры, внимание стоит обратить на ряд возможных отличий, которые в какой-то значимой мере будет влиять на характер определяемого в правой части:

¹⁷ * Лат. *sustineo, tñui, tentum, ěre* [subs+teneo] 'поддерживать'; 'служить опорой, подпирать'; 'содержать, питать, кормить'; '(с)охранять, оберегать'.

¹⁸ * Лат. *vector, versus sum, verti* [pass. verto] 'вращаться, кружиться'; 'обращаться, направляться'; 'принимать оборот, складываться'.

1. В первом и во втором примере можно увидеть множественный и единичный, однократный, характер производимого зайцем действия и одновременно с этим мест и места его проявления. Выражено это словами *забегает* и *забежит* в *строения* и в *строение*.

2. Следствием из этого первого будут значимо различающиеся определения мест – в *(людские) холодные (строения)* и в *какое-нибудь (людское строение)*, т.е. любое, не важно какое – для второго и важно, что в *холодные*, для первого случая.

3. Еще одним отличием двух первых примеров необходимо считать "молчаливую", но наблюдаемую и отмечаемую человеком-субъектом, многократность производимого забега и однократное *прокричит* в том людском месте, куда заяц перед тем забежал.

Из чего получается, что наступление голода предполагает 'множественность локализуемого распространения' в *забегании* зайца, как выражении того, что выступает как означаемое (signifié) в голоде, дополнительный смысл которого подчеркивается тем, что строения не любые и всякие, а *холодные*. Данную множественность можно объяснять, во-первых, тем, что голод затронет многих, и при этом не только людей, хотя в людях он концентрирован в силу не пополняемых ими запасов, а во-вторых, по причине большого количества страдающих от него, и это также передается с помощью множественности.

Производимое забегание зайцем можно видеть также как отмечаемую этим идею ожидающего людские строения вследствие голода непополнения и опустошения. Из чего и голод следует воспринимать как не только производимую им пустоту, но и как пустоту самоё по себе, с неналичием и отсутствием, а не одним лишь непополнением. Иными словами, это одновременно витальная, нутритивная, физическая и экзистенциальная пустота, ожидаемая в своем возникающем появлении в том, что 'людские строения', становящиеся, а не только являющиеся *холодными*, под которыми можно при обобщении понимать людское местоположение, местопребывание и местоопределение на земле. Голод – это не только и не исключительно состояние, когда нечего есть, это отсутствие, утрата того, что собой представляет внутренне обеспечивающее движение жизни. Заяц в этом случае выступает в роли того ощущающего внешнего по отношению к человеку, который знаковым образом отмечает своим многократно производимым передвижением то, что ждет 'людские строения'. Нечто подобное можно увидеть в известном шекспировском *Чума на оба ваши дома (A plague on both your houses)*, на *ваши дома*, если воспринимать это расширенно и не как пожелание, а как указание на то, чего следует ожидать, – придет, нападёт, распространится, падёт в виде неизбежного поражения в голоде. И это была бы еще одна особенность, а не только роль по отношению к человеку, характеризующая не только зайца, но и целый ряд подобных ему животных существ, сводимая к положению на границе и вне, с ощущением, если не знанием того, что невидимо и сокрыто, но, будучи невидимым и сокрытым, наступаая, произойдет.

Второй пример, с однократностью при *забежит*, неважно в какое людское строение, и *прокричит там*, из чего следует то, что *хозяева должны ожидать мертвеца*, – с точки зрения производимого действия единичным является потому, что смерть будет касаться не многих, а одного человека, который представляется связанным с теми, кто фигурируют как *хозяева*. Выглядит это, применительно к расположению, следующим образом: заяц > забегает (один раз, при *забежит*) в *людское строение* > которое, имея хозяев, хозяевам этим принадлежит; забежав в него, он в нем, опять же один раз, > прокричит; а поскольку прокричит в том строении, которое имеет хозяев, то ожидаемое в смерти будет касаться их, в силу же того, что один раз, то кого-то имеющего отношение к этим хозяевам, возможно, одного из домашних.

Остается, однако, вопрос, как это связано с тем, что выражено словами *должны ожидать мертвеца*. Извещает заяц хозяев строения своим таким криком об их ожидающей смерти в пределах занимаемых ими месторасположений, или не извещает, а выражает? Сомнительным было бы, исходя из предметного мира поверий-примет, говорить об извещении как о намерении, зайцу это не стоит приписывать. Второе было бы более основательным, если учитывать

то, о чем уже говорилось и применительно к зайцу было отмечено как его граничное и внешнее положение по отношению к внутреннему для человека.

Небезразличным видится в этой связи представление о смерти применительно к зайцу и его крику. Определяя сказанное в отношении *должны ожидать мертвеца*, понимать это следует так, что кто-то из домашних данного дома-хозяйства умрет. В то же самое время, воспринимая выраженное словами не только буквально, но и с отнесением к народно-традиционным воображениям смерти, о том, что такое мертвое, кто такие мертвые и мертвецы, *должны ожидать мертвеца* можно видеть как то, что кто-то из мертвых придет¹⁰. Следует ожидать его такового прихода, но не любого из мертвецов, а того, который, будучи связан с данным хозяйством и домом, за кем-нибудь из домашних придет, а поскольку за ним придет, то и умрет этот кто-нибудь из домашних. Не противоречит тем самым это второе тому, что первое. Об этом приходе с ожиданием в данном хозяйстве и доме смерти и оповещает своим криком заяц хозяев.

Сказанное было бы частью более полного представления, определяя то, что касается *ожидать мертвеца*, но не забегающего и не крика зайца. Эту часть можно видеть в связи с таким представлением о смерти, которая, наступая, собираясь за кем-то прийти с тем, чтобы с собою забрать, проявляет себя в таком своем действии как персона и мифологический персонаж, – субъектная сущность и, возможно, если не посылаемый ею, то ее сопровождающий, приходящий с нею и/или перед нею данного дома-хозяйства мертвец. Объявляется смерть в таком сочетании дыханием смерти (понимая это не столько образно). Мертвое, как часть единого мира сущего, входит, проникает в ту его часть, которая представляет живое^{19*}, становясь при ожидаемой кого-то смерти, для человека невидимым, но для животных существ ощутимым, направленным полем, дыханием, смерти. Направленным в сторону тех, кого ожидаемая смерть затронет, забрав кого-нибудь из них одного, а всех остальных, с ним близкими узами связанных, собою, своим мертвым, мертвящим можно бы было сказать, но в другом понимании, дыханием и энергетическим полем отметив.

Из этого следует то, что касается зайца. Поле, дыхание смерти, направленное на домашних того, кто умрет, начиная входить в их 'людское строение', а может, уже и войдя, действует на зайца таким образом, что он, входя в это поле, забегая в это строение, там *прокричит*. Прокричит потому, что, почувствовав на себе поле смерти, но не во взаимодействии с ним, а столкнувшись с преградой людского строения, остановится и издаст соответствующий звук, производимый им и не только им перед смертью и в ощущении смерти.

Третий из приведенных пример, связанный с хозяйственным месторасположением человека, отличается от двух предыдущих в таких отношениях:

4. Важным видится то, что указывается на время, понимаемое как сезонное – *осенью* или *зимой*. В двух первых примерах подобного указания не содержалось. Из чего будет следовать, что ожидаемый голод или мертвец сезонным временем не обусловлены.

5. Второе отличие заключается в том, что действуют *зайцы*, не *заяц* в единичном, как в предыдущих примерах, числе. С тем чтобы сделать вывод о том, чего ожидать, необходимо увидеть некоторую выражаемую зайцами в их совокупности закономерность, определять которую можно как правило, – наблюдаемое в зайцах явление так проявляет себя. Один заяц, иными словами, погоды не делает, как *одна ласточка не делает весны* (если воспользоваться отнюдь не случайным сопоставлением).

6. Третье отличие состоит в проявлении, выраженном при помощи *залегают*, не *забегает* и не *забежит*. Производимое зайцами не просто статично, в отличие от динамичности двух

¹⁹ * Понимание живого и мертвого в данном случае относительно, и его следует видеть как выражаемое в словах, поскольку мертвое, как и живое, также, по-своему и в своем мире, живет, имея возможность, являясь, себя обнаруживать в мире живущих живых.

предыдущих, оно также предполагает своего рода осажденность, заземление: залегая, зайцы находятся в неподвижной застылости и прикрепленности к месту.

7. Далее следует то, что в отношении (людских) *строений* выражено при посредстве предлога *вблизи* (не в двух предыдущих случаях), а, сопровождаясь и дополняясь тем, что и *в глубине леса*. Из чего получается, также иное по своему характеру, следствие, – то, о чем речь в правой части примера для *слишком холодной и снежной зимы* или *стужи*, не будет иметь отношение к человеку, связываясь непосредственно с зайцами, которые в своем залегании находят прикрывающие места, в окружении строений, леса в его глубине, или только в близости к первым. Дополнительно и *зимой* это их прячущееся и скрывающееся прикрывание проявляется в том, что они *при этом зарываются в сугробы*, т.е., поскольку *при этом*, то и *залегают (вблизи строений и в глубине леса, что следует понимать как одновременно и то и другое)*, и *зарываются*, а не что-то одно. Объяснять это можно не только тем, что они делают это *зимой*, когда сугробы имеются, но и тем, едва ли не главным образом, что *наступившая стужа обещает продержаться очень долго*. Эта и стужа, и ее долгота побуждает их к подобному двойному, по залеганию и зарыванию, проявлению.

Третий из приведенных примеров отличается по своему содержанию, относясь к тому, что имеет свое отношение к погоде с ее атмосферой и сезонными обстоятельствами, не только от рассмотренных с зайцем, но и с жабой, ежом и волком, обнаруживая при этом уже неоднократно себя объявившую связь с одним из примеров при белке. Имеется также отличие: если ранняя весна определялась по внешнему виду белки (*ранняя – голубая*), то применительно к зайцам природно-погодные состояния связываются с их поведением. Стоит заметить при этом, еще раз подчеркнув, что отмеченные в пунктах 5 и 7 множественно себя проявляющие особенности агентного (в *зайцах*), локализуемого (в *строениях и в глубине леса*) и акционального вида (*залегают и зарываются*), помимо того, что имеют неоднократный характер, соотносятся, связываясь, с означаемым, представляемым в примере в значительном усилении, в которых указывается, что (*следует ожидать*) *слишком (холодной и снежной зимы)* и что (*наступившая*) *стужа (обещает продержаться) очень долго*.

Подводя итог тому, что было рассмотрено в трех примерах, имеющих отношение к хозяйственному месторасположению человека в людских строениях, стоит отметить в первую очередь то, что, в отличие от селения, деревни, жилья, улицы, как местоположений, а также сада и огорода, обозначенное в текстах примеров как *людские строения*, помимо узитативно-хозяйственного предназначения и, соответственно, такого же признака, содержит в себе параметр содержания (контентива). Людские строения – это то, что, имея какой-то очерченный, ограниченными стенами, полом и потолком объем, предназначено для того, чтобы нечто в себя вмещать. Видится это не случайным в отношении того, что находит свое отражение как в левой, с зайцем и зайцами, так и в правой части (*заяц забегает, забежит в людское строение*), имея предназначенную для содержания чего-либо внутренность. Отмечает это *голод* и *мертвеца*, затрагивающих человека-субъекта, как его самого, так и того, что можно считать "внутренностью" его бытования и состояния. Равно как и в третьем примере, поскольку, при посредстве предлога, не *в* (строения), а *вблизи* их, *осенью и зимой залегают зайцы*, то, что следует ожидать *слишком холодной и снежной зимы*, длительного продолжения *наступившей стужи*, затрагивает не эту самую "внутренность" бытия человека, а то, что вне ее, но при этом *вблизи*, влияя на его не только хозяйственное, но и экзистенциональное положение. Соотношение каждый раз согласуемое и не случайное.

Внимания заслуживает также еще один локус, нашедший свое отражение в примерах, помимо людских строений. Речь о *лесе* в его *глубине*. Встретился лес также в примерах с волчатами, которые *уйдут из этого леса, разбегутся* (если им *уши прорезать*). В том и в другом своем проявлении лес предстает как такое пространство нечеловеческого, которое вместе с тем с человеком связано, имеет какое-то отношение к нему и на него как-то влияет. Важно

при этом установить – какое и как. Исходя из примера с волчатами, это было бы место, не то, в котором хозяйственно, что привычно, проявляет себя человек (дрова, строительный материал, собирательство и охота), а то, откуда можно и следует ему ожидать для себя поражающего домашних животных урона. Иными словами, производящий в себе и из себя испускающий локус грозящих утратами посещений – продуцирующий локатив-эмиссив минативного обитива, *ProdLoc>Emiss(MinObit)*.

В примере с зайцами и применительно к положению *в глубине (леса)*, отмечая характер их залегания, относилось бы данное проявление к представлению о "глубине" ожидаемого в его усилении природно-погодного "студного" состояния *слишком холодной и снежной зимы* и наступившей стужи, которая *обещает продержаться очень долго*. Лес в этом случае можно рассматривать не как локус, а как имеющую отношение к природно-погодному состоянию "внутренность", но не продуцирующего, а принимающего в себя и в себе содержащего положения – пенитный^{20*} диспозитив статального коррелятива темпестатив-фригатива, *PenitDisposit > StatCorrel(TempestFrig)*.

Обратимся теперь к роли зайца (зайцев) применительно к человеку в ее отношении к сфере, ее группам, значениям и подзначениям. Сферой этой будет, как и в примерах, рассмотренных ранее, узнавание, *Agnit*. О голоде, ожидаемом мертвце, слишком холодной зиме, продолжении стужи субъект узнает, исходя из наблюдаемых им проявлений у зайцев. Относится все это в данной сфере к тому, что ранее было названо термином распознаваемо-значимые проявления, исходящие от животного существа, что определяет его знаково-медиативную роль в отношении человека.

Касаются данные проявления экзистенциально-витальных состояний для *голода* – в значении амиссива (утраты, потери) в подзначении (5) эксплетива (переполняющего наступления, обрушивания, нападения, – нечто надвигается, что утяжеляет, переворачивает, имеющееся состояние), а для *хозяева должны ожидать мертвеца* – в значении абруптива (прерывания, обрывания жизни) в подзначении (3) ремиссива (падения, провала, ухода, бывшего, прежнего).

Вторую группу распознаваемо-значимых проявлений для узнавания, *Agnit*, составляют, в третьем примере, то, что можно назвать природно-погодными состояниями в значении адверсивов, предполагающих определение направления, вектора (природно-погодного состояния), в какую-то сторону – в отношении времени, силы, длительности и т.п., в подзначении (2a) конформативного амплификатива – усиленного, значительного увеличения, возрастания имеющегося в состоянии с позиции его определяющего признака для того, что в примере выражено словами *слишком* (конформативная часть) *холодная и снежная зима* (амплификатив) и (2b) мультипликативно-лонгитивного амплификатива при *наступившая стужа* (амплификатив) *обещает продержаться очень* (мультипликатив) *долго* (лонгитив).

Множественность объявления

Следующие два примера не связаны с локализацией человека, будь то в месте его проживания, будь то в месте, связанном с хозяйственной деятельностью при доме. Речь в них идет о количестве появившихся зайцев, а множественное их число в первом случае будет определять ожидаемое положение человека, а во втором свидетельствовать о чем-то другом, что может иметь хозяйственное значение:

Появление зайцев в большом числе предвещает голодный год.

Замечено, что зайцы и мыши разводят в ущерб друг другу: если в данном месте разведется много зайцев, то там же не станет мышей, и наоборот.

В первом случае сообщается о появлении зайцев *в большом числе*, предполагая, что нечто подобное не имело раньше такого вида. Следует поэтому говорить о том, что замечается в

²⁰ * Лат. *I pēnītus, a, um* 'внутренний, глубокий'.

отношении новизны. Второй пример (*много зайцев*) определяет множественность с помощью слов *разводятся* и *разведется*, что стоит воспринимать по-другому. Не с точки зрения явления, а с точки зрения его видения и объяснения. То и другое не только видится, но и интерпретируется в разном ключе. *Разводятся* и *разведется* будет обозначать увеличение, рост вследствие размножения, в то время как появление – объявление и приход, откуда-то, с какой-то иной, невидимой, не здесь находящейся стороны. Действия эти, тем самым, по своему характеру разные. Объединяет их множественность – *в большом числе* и *много*.

Имеется также еще одно, а точнее два, отличия. В первом случае *Появление зайцев в большом числе* имеет характер не связанный с чем-то и на это что-то никак не влияющий. Во втором, напротив, положение с зайцами определяется как природный порядок: *зайцы и мыши разводятся*, конкурируя, т.е. *в ущерб друг другу*. После чего говорится о его проявлении и позиция множественности себя объявляет при вытеснении одними других: где *много зайцев*, там *не станет мышей* и *наоборот*. Указывается при этом также, что *в данном месте*. Первый пример, хотя подобного указания не содержит, предполагает его. Место, тем самым, представляется не безразличным. Определить его можно как то, что представляется ближним, если не непосредственным, окружением человека, понимая под этим характер его экзистенциально-витального и акционально-хозяйственного положения, *Loc(ExistAct)*.

Обращаясь к тому, о чем в первом случае сообщается в правой части (*предвещает голодный год*), а во втором о влиянии *в данном месте* зайцев и мышей друг на друга, можно увидеть такие соотношения:

зайцы в большом числе > *голодный год* (выраженное в левой части выступает не как причина того, что в правой, а как его знак);

много зайцев > *не станет мышей*; *много мышей* > *не станет зайцев* (из чего будут следовать не отмеченные в примере следствия хозяйственного характера).

Первое, для *голодного года*, необходимо рассматривать применительно к сфере узнавания, *Agnit*, с отнесением к распознаваемо-значимым (знаковым) проявлениям животного существа в группе экзистенциально-витальные состояния как (5) эксплетив – переполняющего наступления, обрушивания, при котором нечто надвигается, что утяжеляет имеющееся состояние, воздействуя давящим образом на него (в отношении амиссива утраты, потери).

Имея в виду выводимые признаки описания, для примера с *голодным годом* и *появлением зайцев в большом числе* следует обратить внимание на два обстоятельства – во-первых, времени (*год*), в его следствии к появлению зайцев, и тому, что выражено словами *в большом числе*, во-вторых. *Голодным* будет, поскольку говорится, что *предвещает*, данный *год*, не обязательно переходящий на следующий. Время предвестия соотносится с наблюдаемым явлением (зайцев с их появлением в большом числе необходимо увидеть).

Небезразличным, с точки зрения представления о предметном мире поверий-примет, видится положение, "поедают" ли зайцы в большом их числе этот год, отчего тот станет голодным, либо за этим нечто иное стоит и следует предполагать. С одной стороны, имеется воображение о зайцах как о таких "поедающих" и обгрызающих существах, капусту, огородные овощи, кору молодых фруктовых деревьев. И это хозяйственное и конкурирующее, скажем так, о них представление. С другой стороны, и это ближе и основательнее в отношении определяемого нами предметного мира, зайцы в большом числе, появляясь в предвестии голодного года, отмечают его тем самым собой, а не "заедают". На поверхностном уровне восприятия множественность их появления связана с тем, что ожидается год голодным, и поэтому зайцы, предчувствуя, выступают в большом наблюдаемом количестве, запасаясь и предохраняясь от наступления голода с его истреблением, проступанием их такового числа.

В то же время и не в противоречие данному положению, как уже отмечалось не раз, представить стоящую за этим картину видится обоснованным таким образом, что голодный год должен, придя, наступить, и это уже себя, если не осуществило в невидимом потусторон-

нем, то начало, проявляя, осуществлять. Зайцы, как и другие животные существа, имея определенное отношение к тому, что потустороннее и невидимое, начинают (но не размножаясь для данного уровня понимания) в большом количестве появляться "оттуда" откуда-то, из этого положения-места проступая наверх, на поверхность видимого, становясь наблюдаемым объектом для человека в своем необычном числе.

Говоря об этом большом числе, следует, относя его к упомянутым ранее распознаваемо-значимым (знаковым) проявлениям животного существа, поскольку это то, что, будучи проявлением со стороны животного, распознается субъектом как определенный знак для себя, – говоря об этом большом числе, видеть следует в нем не то же самое, что представляют собой, как наблюдаемые человеком, действия, будь то "заячьи" либо другие: *пробежать через селение из одного конца в другой, забежать в деревню по дороге, прыгать перед путником на дороге* для зайца и пр. В то же время это и действия, – *появление* (зайцев) обозначает видимый, воспринимаемый их приход, перемещения, бегание и т.п. Однако, как представляется значимым для примера, появление это, предполагая акцент на большом числе, нейтрализует семантику действия, обозначая в первую очередь то, что можно считать проступанием, выступанием на поверхность, становящимся видимым для большого числа. И тогда это был бы не акциональный параметр распознаваемо-значимых проявлений, который следует выделить в этой связи, а количественный. Еще один, формативный, тех же распознаваемо-значимых проявлений, проявил себя ранее в отношении белки, которая была (*ранняя*) *голубая*.

Второй пример с большим количеством зайцев в их вытесняющем и вместе с тем уравнивающим отношении к числу мышей в данном месте следует относить к также ранее выведенной и определившейся сфере знания, опыта, *experientia*, *Experient*, предполагающей с своей основе установления соответствия по схеме «если имеется, появляется что-то, то будет обозначать это то и то»: *зайцы и мыши*, и это следует знать, *разводятся в ущерб друг другу*, что будет исходным, пассивным и виртуальным знанием, актуализируемым к пространству так, что *если в данном месте разведется много зайцев, то там же не станет мышей, и наоборот*. Важно это знание, как практическое и применимое, в том отношении, что, как следует предполагать, связываясь с хозяйственной деятельностью человека, означает в своем значимом следствии, чего ему следует ожидать, к чему готовиться и от чего предохраняться – будут ли поражаться огородные овощи от изобилия зайцев либо зерно и хлеб от большого числа мышей.

В сфере знания-опыта, довольно широко и обстоятельно отображенной в материале источника, что не случайно, поскольку понятийно-предметная область поверий-примет непосредственно связана с передаваемым знанием, в этой сфере пример с мышами и зайцами относится к группе статичных, или стабильных, знаний, не предполагающих со стороны субъекта возможности на то или иное сложившееся положение и состояние повлиять. В отличие от группы подвижных, или модулятивных, знаний, предполагающих таковую возможность. Вместе с этим тот же пример иллюстрирует знание признаков, свойств, характеристик предметов, объектов, явлений, действий, позиций (группа аффинитативов), позволяя ориентироваться в окружении и в среде, с учетом возможных последствий, представляя тем самым в аффинитативной группе подгруппу (1) ориентиров. В этой подгруппе то, что в примере касается зайцев с мышами, следует относить к (1b) проективным ориентирам, предполагающим знание о том, что если что-то имеет такие-то свойства, то это способно найти и находит обычно свое отражение в чем-то другом: *если в данном месте разведется много зайцев* – первая часть представления, проецирующее, из которого следует его проектируемое, – *то там же не станет мышей*, и, соответственно, *при и наоборот*, – *если в данном месте разведется много мышей > то там же не станет зайцев*. Знание данного проективного ориентира объединяет тем самым в себе положение о локализуемом пространстве, о значительном количестве и об объекте как представителе определяемого множества. Был бы это тогда, в его полном виде, локально-количественно-мультипликативный объектно-презентный, или объектов наличия и присутствия, а

также и репрезентный, в значении представительства, дуально-компаративный (проективный) ориентир: *Loc(QuantMult) > RePraesObj(DualCompar)*.

Поскольку сфера знания-опыта, *Experient*, в отличие от также часто встречающейся в повериях и приметах сферы, названной узнаванием, *Agnit*, не то чтобы не касалась возможных и ожидаемых смен, но ее это не характеризует, производившиеся различения в мотуативах (переходного трансгрессива, возрастающего амплификатива, опадающего ремиссива, вытесняющего экстурбатива и переполняющего эксплетива) для нее будут не релевантны.

Разорение гнезда

Остается еще один, и последний с зайцем, пример из источника, который также следует относить к сфере знания, *Experient*:

Если только будет пойман один зайчонок, то все гнездо его будет разорено либо людьми, либо хищниками.

Как и предыдущий, данный пример иллюстрирует представление об аффинитативах, касающихся признаков, свойств и т.п., позволяя, с учетом возможных последствий, ориентироваться в окружении и среде, что предполагает подгруппу (1) ориентиров, затрагивая при этом знание о последствиях производимых действий: «если будет сделано то-то и то-то, то из этого сложится, выйдет, получится такой и такой результат». Давало бы это тогда представление об (1d) акциональных ориентирах.

Для более полной характеристики двух последних примеров необходимо учесть еще одно положение – то, что касалось ранее определявшихся случаев ‘отношения к человеку’, характеризуюсь в этой проекции до этого как распознаваемо-значимые (знаковые) проявления, исходящие от животного существа (сигнативы), и которые к данным примерам не следует относить. Параметральным признаком по тому же основанию для первого, с соотношением зайцев-мышей, будет то, что в материале источника находит свое отражение в несколько меньшем числе и что можно видеть, характеризуя как заряженные проявления животного существа, инсертивы, имеющие, предполагающие определенные следствия, которые могут быть направленными, обращенными, и не направленными, не обращенными (на человека) и не конверсивными^{21*}. Рассмотренный пример с зайцами и мышами следует относить к заряженным проявлениям, инсертивам, поскольку то, что происходит с данными животными существами, касается человека-субъекта, но не с позиции воспринимаемого им знака и сигнатива, а с точки зрения знания о действующем на него, воздействующем со стороны этих животных существ, и потому заряженном для него, положении, которое при этом от них на него не направлено и поэтому не коверсивно.

Второй пример, с разорением заячьего гнезда как следствием при совершаемом человеком действии, передаваемом словами *Если только будет пойман один зайчонок*, возможным видится относить к еще одному параметральному признаку по тому же, что и для предыдущего случая, основанию ‘отношения к человеку’, с той характерной особенностью, что отношение это исходит в своем обращении не от животного на человека, а наоборот. Человек своим действием, направленным на животное существо (поймать зайчонка), воздействует в результате на то, что из этого его действия далее получается – *все гнездо его будет разорено либо людьми, либо хищниками*. Данное действие по этой причине следует относить к нарушающим, вторгающимся (в природные и не только природные положения и состояния), изменениям, пертурбативам^{22*}, которые также могут быть, с его стороны на сей раз, направленными, или имеющими определенную цель, финитными, так и не имеющими себя объявляющей в своем следствии цели, инфинитными. Примеров по этому основанию в материале источника получа-

²¹ * Лат. **convertō, verti, versum, ĕre** ‘поворачивать, оборачивать, вращать’; ‘менять направление’, ‘направлять’; ‘обращать, устремлять’; ‘перемещать’; ‘изменять’.

²² * Лат. **perturbo, āvi, ātum, āre** ‘приводить в беспорядок, в расстройство, в замешательство’; ‘расстраивать, нарушать’.

ется меньше, чем двух предыдущих, для сигнативов и инсертивов, что не случайно, поскольку связывается с понятийно-предметным миром поверий-примет, концентрирующемся на том, чего ожидать и что следует знать человеку-субъекту со стороны животных существ в их воздействии на него в первую очередь и при этом в значительно меньшей степени в обратную сторону.

Пример с разорением заячьего гнезда, иллюстрируя инфинитный, поскольку не предполагаемый к достигаемому следствию, пертурбатив, в сфере знания-опыта, *Experient*, модулятивного, понимаемого для данного случая как изменяющего первоначальное положение следствия, – действие, совершаемое человеком, приводит к определенному изменению (если поймать одного зайчонка, гнездо его будет разорено), следует воспринимать дополнительно как вторжение в защитно-целостное положение для гнезда. Вырванный из него, не обязательно из гнезда, но из этого положения, хотя бы один зайчонок, создает в результате открытость, зияние, возможность дальнейшего разорения, поскольку тем самым снята защита. Подобный пертурбатив модулятивного проявления можно характеризовать как прерывание (интерруптив) названной целостности.

Ролевая характеристика

Общее представление, или характеристика образа зайца в предметном мире поверий-примет, на основе примеров источника складывается таким образом, что заяц действует в двух проявлениях. Прежде всего, как такое животное существо, которое, будучи опосредующим и находящимся на границе миров человеческого и не человеческого, внешнего, а также потустороннего, обнаруживает себя в отношении человека как знаковый медиатор. На основе того или иного его проявления наделенный соответствующим знанием субъект получает возможность узнать о том, чего в скором будущем следует ожидать. К таким проявлениям следует отнести *пробежать через селение из одного конца в другой, оставаясь незамеченным собаками; забежать в деревню не через огород, а по дороге; появиться в селении, пробежать только улицу и скрыться в чем-нибудь огороде; прыгать перед путником на дороге; перебежать дорогу; появляться в большом числе; забежать в людские холодные строения; забежать в какое-нибудь людское строение и прокричать там; залегать вблизи строений и в глубине леса осенью; залегать вблизи строений и в глубине леса и при этом зарываться в сугробы зимой*. Заключение в этих действиях и проявлениях знаковость (сигнативность) определяет себя в таких положениях и состояниях (дистриктах), как ‘пожар’, ‘благополучие’, ‘несчастье’, ‘к худу’, ‘голодный год’, ‘голод’, ‘ожидать мертвеца’, ‘слишком холодная и снежная зима’, ‘наступившая стужа продержится очень долго’.

Из чего следует, что знаковая медиаторность зайца, имея для человека-субъекта характер предупреждающий, в подавляющих случаях положительного для него не содержит, – в большинстве своих проявлений заяц потенциально предполагает своим значением (будучи формой, или обозначающим обозначаемого) нечто малопривлекательное и нежелательное, обращающееся вокруг диминутивных и пейоративных в основе своей показателей экзистенциально-вitalного свойства. Отсюда его приоритетная связь с vitalностью для человека. За исключением одного примера, при огороде, предполагающего благополучие для хозяев, который следует относить к экзистенциально-просперативным позициям человека в значении ожидаемого достижения (аффектива). Все остальное будет предполагать разрушение (деструктив) для ‘пожара’; падение, подавление (депрессив) для ‘несчастья’, ‘к худу’; утрату, потерю (амиссив) – ‘голодный год’, ‘голод’; прерывание жизни (абруптив) при ‘ожидать мертвеца’.

Два примера, касаясь не столько того, что имеет свое непосредственное отношение к человеку, сколько природно-погодных ожидаемых состояний, влияющих на него с предположением в этом хозяйственной деятельности, обозначают в заячьих проявлениях, будучи также знаковыми, направления, или векторы, изменений либо не изменений, с сохранением и продолжением имеющегося (адверсивы), за которыми стоит представление о том, куда атмо-

сферно-погодное состояние повернет. На примерах для зайца – к ‘слишком холодной и снежной зиме’, к тому, что ‘наступившая стужа продержится очень долго’. Из чего будет следовать, что и в этой проекции в знаковой медиации зайца необходимо усматривать растущее либо себя продолжающее усиление сезонного диминутива.

Дополнением к образу зайца, как еще одной возможной для него стороны, будет то, что следует обозначать не как знаковость и не медиаторность, а индикацию, указательность. В этой своей проекции заяц, равно как и другое животное существо, становится носителем определенного признака или признаков каких-либо положений и состояний, указывая, ненамеренно, человеку-субъекту, при условии обладания им соответствующими, в отношении поверий-примет, представлениями, на то, что может происходить, чего следует ожидать при определившихся с зайцем особенностях того или иного ситуативного расположения. В роли такового для человека в себе содержащего, суспензивного, предполагающего определенные следствия, индикатора заяц себя проявляет в примере с мышами, предполагающем знание о том, чего следует ожидать при появлении где-либо зайцев в большом количестве. И это была бы необусловленная, не зависящая в своих проявлениях ни от чего, индипендентная, индикация.

Такая же роль, но индикации депендентной, обнаруживает себя в примере с одним зайчиком, которого, если поймать, то все гнездо его будет разорено. Зависимость, обусловленность в этом случае следует связывать с тем, кто производит подобное действие (поймать одного зайчика), что будет влиять на дальнейшие обстоятельства, представляя собой, с точки зрения предметного мира поверий-примет, то, что определяет себя, в сфере знания-опыта, *Experient*, как нарушающее вторжение, ведущее к изменению существующего, сложившегося состояния или порядка вещей (пертурбатив), хотя бы и не направленному, инфинитному, не имеющему своей целью того, что из этого получается в качестве следствия.

Змея

Следующим, идущим своим алфавитным порядком в источнике, живым, поскольку передвигающимся, животным существом будет змея, которую, как указывают на это примеры, следует воспринимать как змею ядовитую, в отличие от принципиально иной позиции для сознания еще одного представителя змеиного царства – ужа, с его собственным рядом примеров. Другие возможные змеи, как ядовитые, так и не ядовитые, отражения в материале источника не находят, что можно считать не случайным, отчасти себя обусловливающим мифологически, отчасти фольклорно, а в своей совокупности тем, что, следуя из понятийно-предметного мира поверий-примет, определяет ту область народной традиции, для которой возможная дифференциация змей имеет, хотя и существенный, но все же иной характер¹¹, а уж, если иметь в виду в первую очередь его отношение к человеку, вроде бы как и не змея, не такая змея, как другие¹². Соотношение это примерно такое же (имея в виду отношение к человеку, что, впрочем, не следует отождествлять), как между собакой и волком. Внешне подобные по природе и естеству, но в семантическом отношении противопоставляемые животные существа, в силу того, что одно (собака и уж) расположено к человеку дружелюбно, а другое (волк, змея) не дружелюбно, если не прямо враждебно.

Как и следует ожидать, змея в своих проявлениях в примерах источника не находит своего отражения в приложении к жилью и другим сооружениям человека (применительно к его проживанию и хозяйственной деятельности). Возможные встречи, а также другого вида контакты и взаимодействия со змеей имеют в примерах не обозначенные каким-либо определяемым образом места и пространства, предполагая, в качестве пресуппозиции, предположение о том, что это может быть там, где змею можно увидеть и встретить. Обозначим это, не вдаваясь в подробности, поскольку они не существенны, как локусы внешнего нечеловеческого, человеком, как правило, не освоенного, а если освоенного, то относительно и вне своего, хозяйственного в первую очередь, проявления. Контакты со змеей в пределах хозяйственного месторасположения и проживания в материале источника отражения не находят.

Исходя из сказанного те тринадцать примеров, которые в нем отображены, для начала можно подразделить на такие, которые предполагают (1) тот или иной взаимодействующий контакт змеи с человеком, в том числе также встречу с ней, грозящую ему либо ей неприятностями, поскольку, как уже говорилось, змея эта ядовитая. И на такие, которые (2) такового контакта и взаимодействия между ними не предполагают.

В этой первой, контактно-взаимодействующей, группе далее можно увидеть такие, которые непосредственно либо потенциально содержат в себе представление о (1a) причинении неприятности, если не прямого вреда, со стороны змеи в отношении человека, и (1b) напротив, в обратную сторону, со стороны человека в его обращенности на змею, имея в виду ее умерщвление, лишение ее *жала* (в примере *язык*, но, видимо, это ее ядовитые зубы).

В неконтактной и не взаимодействующей группе можно выделить (2a) те, в которых находят свое отражение свойства змеи, точнее знания о них таковых, связанные с прямо обозначаемой или подразумеваемой ее ядовитостью, и (2b) свидетельствующие не столько о чем-то другом, сколько о том, что будет иметь свое отношение к внешне-природному и сезонно-погодному положению.

Контактные взаимодействия и их следствия

Идя по порядку обозначенных индексов, обратимся к первой подгруппе примеров:

(1a) *Если змея гонится вслед, то нужно ей бросить свой пояс, она и остановится.*

После того как ядовитая змея укусит человека или животное, она спешит скорее к воде, и яд ее оказывается тем сильнее, чем скорее она туда приползет; в то же время яд утрачивает свою силу, если укушенный опередит змею и войдет в воду, где он должен как можно сильнее растирать укушенное место, причем нередко случается, что змея немедленно околеваает.

Кто увидит у змеи ноги, тот умрет в тот же год.

Последний из трех приведенных пример, как нетрудно заметить, существенно отличается от двух предыдущих, хотя и предполагает возможное, хотя бы и не намеренное с ее стороны, получение вреда. В связи с чем он потребует особого рассмотрения.

Первые два примера допускают такой взаимодействующий контакт, который, определяясь как встреча, т.е. непосредственное, и при этом конфликтно заряженное, со змеей столкновение, потенциально, для первого случая, и актуально-реально для второго, заканчиваются причинением вреда со стороны змеи в направлении к человеку либо, что также возможно, обратно, от человека к ней. Тот и другой примеры содержат знания о том, как его такой вред, при помощи определенных действий и средств, можно предотвратить, избежав (в первом примере) либо нейтрализовать, обезопасив тем самым себя (второй пример). Рассмотрим их по порядку следования.

Внимания заслуживает то, что первый пример иллюстрирует не столько реальное знание, сколько представление, скорее, мифологическое, согласно с которым змея – это враг, активно и агрессивно действующий в отношении человека¹³. Змеи, в том числе также и ядовитые, во всяком случае европейские, контактов с людьми стараются избегать и на него, как правило, не нападают, а обороняются и чаще стремительно уползают. Трудно представить поэтому в этой связи, чтобы змея предпринимала, преследуя, гонку за человеком. Однако не о реальном знании как в этом, так и в последующих случаях следует говорить. Предметный мир поверий-примет, в концептуальном и мировоззренческом отношениях, устроен и организован иначе. Реальные знания, находящиеся в нем отражение, получают интерпретацию в собственном оправлении.

Что касается пояса, который следует бросить змее, если она гонится вслед, а поскольку гонится, то это будет свидетельствовать о характере ее проявления по отношению к человеку, – то в этом необходимо увидеть, по крайней мере, два существенных для понимания положения. Прежде всего то, что пояс имел в представлениях народной традиции защитную функцию. И тогда, освобождаясь от пояса, бросающий ее змее человек не то чтобы лишался по этой

причине защиты, а переносил ее, как черту, отделяющую его от угрозы со стороны змеи, на пространство, проецируя эту защиту к пространству. Брошенный пояс будет его защищать в той его части, которая им от змеи его отделяет. Поскольку угроза реальная и надвигающаяся, необходимо использовать пояс, актуализируя его в ограждающей и преграждающей функции к данному положению¹⁴.

Еще одно обстоятельство, которое можно увидеть, это подобие пояса и змеи¹⁵. В этом случае, как представляется, действуют два вступающих во взаимодействие основания. Первое – это то, что брошенный пояс, будучи не то чтобы не одушевленным^{23*} и не живым, а неподвижным, действует на змею завораживающе-останавливающим образом. Второе, с первым прямо и непосредственно связанное, это упомянутое подобие пояса и змеи. С позиции гонящейся за человеком змеи, которая, если не видит (змеи, как известно, не столько видят, сколько ловят органами своих чувств движение, запах, тепло и вибрацию¹⁷), то воспринимает нечто змеиноподобное, перед нею или над нею летящее, по ощущаемой ею форме напоминающее ее самоё и при этом не то, чтобы не живое (тепло человека на поясе остается), но неподвижно упавшее. Действует это, как можно себе, представляя, воображать, ошеломляющим образом на змею, от чего она застывает и прерывает свое преследование.

Обращаясь к определению того, что в примере с гонящейся вслед за человеком змеей находит свое отражение, необходимо напомнить о выделенных ранее сферах, которых четыре – узнавание, *Agnit*, знание, *Experient*, отведение (предотвращение, устранение, избегание), *Propuls*, и приобретение, *Quest*. Две первых имеют концептуальный характер, – о чем-то человек узнает, исходя из поверий-примет, но при этом, что необходимо добавить, знающий, обладающий знанием все тех же поверий-примет, а что-то, из тех же поверий-примет, он как знание для себя, получая, выносит. Знание, тем самым, составляет основу, собственно, каждой из сфер, в связи с чем их видится допустимым рассматривать как векторы, направляемые от общего когнитивного центра в четыре возможные стороны – 1) того, что можно узнать, при условии представляемого в повериях и приметах знания, 2) того, что следует знать о природе вещей в этом мире, 3) того, что, зная, как, каким образом, с помощью каких действий и средств можно как нежелательное от себя отвести, избавиться, устранить или предотвратить, 4) того, что, при стечении каких-то условий, совершении определенных действий с использованием определенных предметов и средств, можно в пользу свою, получая, приобрести.

То, что при помощи пояса, если бросить его змее, которая *гонится вслед*, можно тем самым ее остановить, избежав неприятного с ней столкновения, – имея знание об этом в основе своей, следует относить к тому его вектору, который был обозначен как отведение, *Propuls*.

Двигаясь дальше в определении смысла в примере, необходимо отметить то, что ранее было выведено как заряженные проявления того или иного животного существа, имеющие, предполагающие определенные следствия (инсертивы), которые могут быть, со стороны данного животного существа, на человека направленными и не направленными – конверсивными и не конверсивными. То, что *змея гонится вслед*, имеет в виду направленность на человека с ее стороны, и инсертив ее данного рода был бы тогда конверсивным.

Для определения того, что можно представленным образом (бросив змее свой пояс, когда она гонится вслед) предотвратить, необходимо иметь в виду, что речь идет в данном случае о возможной угрозе, если и не для жизни или здоровья, то, во всяком случае, в отношении нарушения физической целостности, поскольку змея, если *гонится вслед*

²³ * Одушевленность предметов, с человеком индивидуально связанных, защитных и тех, от которых зависела жизнь человека, таких, к примеру, как меч или щит (которым в прошлом могли даваться собственные имена¹⁶), – одушевленность подобных предметов, не говоря о каких-то других, понятие для сознания относительное. К этой группе можно было бы, хотя бы и с оговорками, отнести такие персонально заряженные предметы, как шапка и пояс, в первую очередь, возможно также другие. Однако это не будет предметом нашего рассмотрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.